
ИСТПАРТ СРЕДАЗБЮРО ЦК ВКП(б)

КОКАНДСКАЯ АВТОНОМИЯ

УЗГИЗ

ТАШКЕНТ

1931

П. Алексеенков.

КОКАНДСКАЯ АВТОНОМИЯ

УДАНТ 5472

Тираж 5000

Заказ 6823

Типо-лит. № 2 Уяполиграф 1931

Кокандская автономия.

I.

Национально-освободительное движение до февральского периода боролось:

1) с засильем российского торгово-промышленного капитала и за создание условий, благоприятствующих развитию национального капитала;

2) за изменение политических взаимоотношений между Туркестаном и Россией;

3) за ново-методную национальную школу и за повышение культурного уровня коренного населения Туркестана.

Рассмотрим значение каждого из этих моментов в отдельности.

1. Русское правительство усиленно внедряло в массы так называемую русско-туземную школу, единственная цель которой заключалась не в повышении культурного уровня населения страны, а в его русификации. Развитие же капиталистических отношений в Туркестане на базе роста хлопководства и фабрично-заводской промышленности действительно требовало повышения культурного уровня как сельского, так и городского населения страны, в этих условиях идея насаждения ново-методной школы на родном языке являлась идеей сугубо-прогрессивной, так как широкое насаждение ново-методной школы в тех условиях постепенно заставило бы отмереть старо-методную религиозную школу, наиболее резко бросающийся в глаза пережиток эпохи феодализма.

2. Быстрое развитие национально-промышленного капитала, выявившееся еще в последние годы прошлого столетия, царскому правительству уже начало внушать большие опасения. Поэтому правительство, защищавшее в Туркестане интересы российского капитала, систематически боролось с развитием

национального капитала. Это в конечном счете сводилось к борьбе с ростом капиталистических отношений в Туркестане вообще и к задержке роста производительных сил края.

Борьба с этой политикой царского правительства являлась борьбой за создание условий, благоприятствующих росту и развитию национального промышленного капитала, что в конечном счете содействовало развитию производительных сил Туркестана. Это значит, что борьба была безусловно прогрессивной.

3. Борьба за расширение политических прав Туркестана велась очень осторожно и потому резко не бросалась в глаза. Прогрессивность этой борьбы ясна без всяких доказательств.

Это конкретное содержание национально-освободительного движения в Туркестане до февральской революции в основном сводилось к двум моментам.

Первый момент, это содействие происходившему тогда процессу сложения раздробленных туркестанских племен и родов в нации. Рост капиталистических отношений, рост капиталистических связей отдельных племен между собою содействовал сдвиганию их в нации: узбекскую, киргизскую, туркменскую и таджикскую. Борьба с разлагающим влиянием русского империализма содействовала этому же не в меньшей степени, а повышение культурного уровня населения страны содействовало сознанию себя, как нации.

Второй момент сводился к ослаблению русского империализма. Содействие росту национального промышленного капитала было ничем иным, как ослаблением экономической мощи русского империализма, борьба за расширение политической самостоятельности Туркестана приводила к его (империализма) политическому ослаблению, а рост культурного уровня населения страны, в конечном счете должен был привести к количественному и качественному росту тех сил, которые можно было противопоставить русскому империализму.

Таким образом, мы видим, что национально-освободительное движение с начала нашего столетия вплоть до февральской революции как по своему конкретному содержанию, так и по тем объективным результатам, к которым оно приводило, было движением безусловно прогрессивным.

В период февральской революции национальное движение расколосось на два течения. Из общего русла национально-освободительного движения выделилось движение национальных рабочих, увлекших за собой и часть мелкой буржуазии и интеллигенции. Но даже и правое течение в национально-освободительном движении в этот период все еще оставалось относительно прогрессивным, поскольку ему приходилось вести ту или иную борьбу с русским империализмом.

Содержание борьбы за национальное освобождение Туркестана в это время по существу оставалось прежним, хотя задачи были поставлены значительно более ясно и конкретно. Был, например, решительно поставлен вопрос о прекращении крестьянской колонизации, о возвращении киргизам части земель, ранее у них отнятых царским правительством, ставился вопрос об уравнении в правах всего населения Туркестана, более отчетливо был поставлен лозунг автономии Туркестана и т. д. и т. д. Но поскольку российская буржуазия, ставшая после февральской революции у кормила правления, не имела никакого желания производить какие бы то ни было изменения в Туркестане, постольку национальной туркестанской буржуазии приходилось вести борьбу за каждую из этих задач в отдельности.

Октябрьская революция совершенно изменила сущность буржуазно-национального движения в Туркестане. Из прогрессивного оно превратилось в контр-революционное движение.

Как это произошло?

Октябрьская революция уничтожила власть русского империализма, но вовсе не для того, чтобы дать возможность национальной туркестанской буржуазии эксплуатировать туркестанских рабочих и дехканство, а для того, чтобы уничтожить всякую эксплуатацию и в том числе эксплуатацию национальной буржуазией.

Октябрьская революция действительно создала такую политическую обстановку в Туркестане, что производительные силы страны и в том числе культурный уровень населения Туркестана могли бы расти и развиваться наибо́льшим образом. Но национальная туркестанская буржуазия при наличии советской власти ни в коей мере не могла использовать этот рост производительных сил страны в своих собственных интересах,

ибо Октябрьская революция развязывала рост производительных сил для строительства социализма.

Со своей неизбежной политической смертью национальная туркестанская буржуазия примириться, конечно, не могла. Ей хотелось жить, эксплуатировать туркестанских рабочих и дехкан. Поэтому, она продолжает борьбу, но уже не с русским империализмом, а с властью российских и туркестанских рабочих и крестьян и, в первую очередь, с властью туркестанских рабочих и дехкан.

• Наши ошибки в национальном вопросе и их значение.

До сих пор еще очень и очень многие не отказались от той мысли, что, якобы, кокандская автономия является продуктом ошибок нашей партии в национальном вопросе, а по мнению других—результатом всех наших ошибок того времени вообще.

В качестве образца подобной трактовки данного вопроса можно привести отрывок из статьи некоего В. Дориомедова—«Кокандские события», помещенной в одном из мартовских номеров газеты «Знамя Свободы» (1918 год). В этой статье мы можем прочесть следующее:

«Власть Советов народных комиссаров и советов солдатских и рабочих депутатов оказалась совершенно бессильной, как защитить страну от внешних опасностей, так и водворить в ней хотя бы элементарный внутренний порядок, обеспечивающий гражданам возможность спокойной мирной работы.»

Добрые намерения советов совершенно разбиваются о полное нежелание подчиняться им со стороны даже тех, кто их избрал.

Второй причиной является демагогическая и двуличная политика петроградского совета народных комиссаров, которые, с одной стороны, предлагают всем народам отделиться от России, говорят о полном самоопределении народов, а потом, когда зерно, посеянное ими же, взойдет, так устраивают кровавые бойни.

Надо только при этом вспомнить воззвание Ленина к мусульманам, распространенное в миллионах экземпляров. В этом воззвании он призывал мусульман к изгнанию

европейцев из всех мусульманских стран. Воззвание это не должно быть вабыто¹.

Об автономии говорили усиленно везде в советах рабочих и солдатских депутатов, на съездах—все ее хвалили и в то же время все чувствовали, что во всех этих разговорах есть какая-то фальшь, что-то недоговоренное».

Так господин Дориомедов, бывший скобелевский городской голова, писал вскоре после ликвидации кокандской автономии. Но приблизительно такие же вещи, конечно, значительно более мягкие, можно услышать и в наши дни.

Чем объясняется распространенность этого совершенно ни на чем не обоснованного мнения. С одной стороны, это является продуктом прежней бешеной борьбы всех контрреволюционных сил, направленной против советской власти и особенно широко имевшей место в первые годы после Октябрьской революции. А, с другой стороны, такое мнение является результатом простой ограниченности политического кругозора нашего мещанства и обмещанившейся части интеллигенции. Просто люди не могут понять, что и от чего происходит.

Это обстоятельство заставляет нас подробно остановиться на наших ошибках того времени и на их последствиях. Но прежде, чем говорить об этих ошибках, необходимо хотя бы вкратце остановиться на той политической обстановке, в которой эти события развертывались.

Политическая обстановка Туркестана того времени складывалась из следующих моментов:

1. Незначительность рабочего класса и особые условия его существования до Октябрьской революции.

2. Слабость классовой дифференциации коренного населения страны.

3. Отрыв от центра пролетарской революции и окружение Туркестана кулацко-казачьей контр-революцией.

4. Наличие недурно организованной контр-революции в самом Туркестане.

5. Молодость и, вследствие этого, недостаточная опытность коммунистической организации и советской власти Туркестана.

¹ Я не знаю, жив ли этот господин Дориомедов, а то бы ему можно было бы посоветовать самому прочитать это воззвание и хорошенько его продумать, чтобы больше не писать такой ахинеи.—К. А.

Более подробно останавливаться на этих моментах мы считаем излишним, ибо само перечисление их дает достаточно полную картину тогдашнего политического состояния Туркестана.

Теперь мы вернемся к нашим политическим ошибкам того времени.

Прежде всего, были ли в действительности в то время допущены нами какие-нибудь политические ошибки.

Да, были. И скрывать нам эти свои политические ошибки совершенно ненужно. Даже больше того, всякая попытка кого-нибудь из нас скрыть эти ошибки ничего кроме вреда для нашей партии и революции не принесет.

В чем же они заключались?

Наша главнейшая и наиболее серьезная ошибка заключалась в действительно неверной и даже трудно объяснимой политической линии в области национального вопроса.

Чтобы дать наиболее реальное представление об этой нашей ошибке, я приведу выдержку из отчета о заседаниях первого после Октябрьской революции (IV) в ноябре 1917 г. съезда советов тогда еще Туркестанского края, напечатанного в «Нашей Газете».

«По открытии заседания от фракции большевиков (и максималистов) прочитывается следующая декларация:

«Признавая существующую центральную власть и формы ее организации, объединенная фракция большевиков и максималистов считает высшим краевым органом Краевой Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, который отныне именуется советом народных комиссаров Туркестанского края, вместе с тем фракция, поддерживая намеченную схему организации краевой власти, оглашенную ее представителем в первом заседании съезда, считает необходимым разъяснить, что ею отнюдь не устраняются от участия в активной работе широкие слои населения, так как каждый из народных комиссаров, стоящий во главе той или иной отрасли жизни края, будет иметь руководящее значение каждый в своей сфере деятельности, проводниками же в жизнь выставляемых всем советом народных комиссаров принципов явятся те съезды представителей с мест, не исключая и мусульман, которые будут

периодически созываться тем или иным народным комиссаром, по вопросам той или иной сферы хозяйственной и государственной жизни края, а также и те организации; которые созданы в настоящее время на местах.

БАБУШКИН Ефим Андрианович.

Е. А. Бабушкин большевик с 903 г. (принимал участие в ревдвижении с 902 г.), первый председатель-большевик Кокандского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и как таковой подвергается в первую очередь вооруженному налету со стороны банд Кокандского автономного правительства.

Е. А. был командирован партией в Коканд для работы, по возвращении в 17 г. в Петроград из Сибирской ссылки, где пробыл с 1910 г.

В Коканде товарищ складывает отдельных большевиков в августе—сентябре 17 г. в первую оформленную группу С.-Д. большевиков в Туркестане, главным образом рабочих типографий и железнодорожников и является ее фактическим руководителем до командирования его в Афганистан (конец 18 г.) в качестве полномочного советского представителя. Там он арестовывается англичанами и увозится в Индию.

Только в 1921 году удается Е. А. вернуться в Советскую Россию. Он работал в Сталинграде и др. местах, последнее время в Москве, где и скончался 31/VIII—27 года.

Таким образом, ни местное туземное население, ни местные интеллигентные силы не устраняются от активной работы по улучшению быта и жизни края, а наоборот, привлекаются к этой работе.

Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как в виду полной неопределенности отношения туземного населения к власти ССР и КД, так и в виду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органы высшей краевой власти фракция приветствовала бы.

Включение в органы высшей краевой власти представительства оборонческих групп фракция считает недопустимым, т. к. они активно боролась, отстаивая власть временного правительства, изменившего революционной демократии.

При такой организации власти края, как представляет себе фракция, каждый народный комиссар является ответственным перед всем советом народных комиссаров, а совет—перед съездом ССР и КД, созываемым каждые два месяца советом народных комиссаров».

Мы выписали всю декларацию нашей фракции, чтобы показать, что в ней нет ни единого слова по поводу того, что в то время наиболее интересовало положительно все слои коренного населения страны, это—по вопросу об автономии Туркестана.

Агитация за автономию Туркестана среди местного населения началась еще со времени Февральской революции и, кстати сказать, находила широкий отклик среди городской мелкой буржуазии и дехканства.

Упорство, с которым сначала кадетский, а затем меньшевистский состав Туркестанского комитета противился проведению автономии даже в самомалейшей степени, еще более обостряло этот вопрос.

Нашей партийной организации нужно было немедленно после того, как мы захватили власть, объявить и провести на деле эту автономию Туркестана под гегемонией пролетариата. Таким решением вопроса мы безусловно завоевали бы симпатии и поддержку не только рабочих, ремесленников и дехканства, но и других слоев мелкой буржуазии и в том числе интеллигенции.

Вместо этого, сами того не замечая, мы дали возможность своим противникам обвинить нас в продолжении старой политики царского правительства.

Более того, заверяя всех в том, что «ни местное туземное население, ни местные интеллигентные силы не устраняются от активной работы по улучшению быта и жизни края, а наоборот, привлекаются к этой работе», а в то же время говорилось, что «включение мусульман в органы высшей красной революционной власти является неприемлемым».

По форме такая постановка вопроса, будучи сама по себе безусловно неверной, меньшевистской приводила к тому, что на Съезде Советов решали, что в областях и уездах коренное население нужно привлечь к управлению страной, но пустить представителей местного населения в центральные краевые органы не решались. Не доверяя коренному населению страны, не считаясь ни с местным населением, ни с его своеобразными условиями, «тащили» его к социализму.

В декларациях допускали, что в областях и уездах к управлению страной можно допустить и представителей местного населения. Но те, кто сидел в областях и уездах, свою работу областного или уездного масштаба то же считали «великим, историческим делом», на которое способны только русские рабочие, русские большевики, но доверить которую представителям коренного населения совершенно, мол, невозможно.

В конце концов, мы доходили до того, что коренному населению мы представляли только кишлак и самое высшее—родство.

Конечно, были случаи правильного подхода к разрешению национального вопроса даже в этот, самый тяжелый для нас период, но общая тенденция была именно та, о которой выше уже говорилось.

Что эта наша тогдашняя политика в национальном вопросе, политика, проводимая не всей партией в целом, а только ее наиболее слабой, туркестанской организацией, была не верна, это ясно для каждого, кто мало-мальски вдумывался в этот вопрос.

Почему же наша тогдашняя-туркестанская партийная организация не учла этих моментов и заняла в данном вопросе совершенно не верную, идущую в разрез с нашей партийной программой позицию? Чтобы разобраться в этом вопросе, нужно вспомнить тот факт, что, во-первых, рабочий класс в Туркестане был весьма малочислен, а во-вторых, и это самое главное, русский сектор рабочего класса в Туркестане, игравший без сомнения руководящую роль в революции Туркестана, до революции пользовался в известной степени привилегированным положением. На предприятиях русские рабочие занимали за малым исключением преимущественно места квалифицированных и потому высокооплачиваемых рабочих.

Так националистический дурман который весьма уселенно распространяли и культивировали царское правительство и русская буржуазия, в известной мере оказывал соответствующее влияние и на рабочих, которые постепенно привыкали смотреть на своего собрата—рабочего узбека, туркмена или киргиза до некоторой степени свысока.

Вот основная причина того, что наша туркестанская партийная организация не смогла правильно, по-большевистски разрешить стоявшие перед ней задачи в области национального вопроса.

Мы остановились на наших ошибках того времени не для того, чтобы искать виновных и не для того, чтобы оправдывать эти ошибки, а для того, чтобы их выявить и более или менее точно выяснить, каковы же были последствия этих ошибок, и правильно ли то положение, что кокандская автономия является результатом наших ошибок.

Выше мы уже видели, что действительная причина Кокандской автономии заключается в том, что, как туркестанская на-

национальная, так и русская буржуазия не могли примириться с властью пролетариата, с утерей своих капиталов и связанного с ним господствующего положения. Как национальной, так и русской буржуазии нужно было вернуть свое прежнее господствующее положение в государстве, свои капиталы, а для этого нужно было в какой-то форме, под каким-то лозунгом бороться с молодой советской властью.

Неважны, в конце концов, лозунги, под которыми проходила эта борьба, неважны формы, в которые она вылилась, а важно ее содержание, важен ее смысл, а содержание этого выступления заключалось именно в контр-революции, именно в попытке свергнуть еще молодую советскую власть и снова установить власть капитала.

Не автономия Туркестана, а именно свержение советской власти, именно контр-революция являлась содержанием этого выступления. «Автономия Туркестана» являлась только наиболее выигрышным для тогдашних условий лозунгом, за которым вместе с буржуазией могли бы пойти более широкие массы: ремесленники и дехканство.

Таким образом, в вопросе о кокандской автономии наши ошибки имеют значение лишь постольку, поскольку объединенная контр-революция Туркестана использовала эти наши ошибки и чрезвычайно выигрышный для нее лозунг «Автономия Туркестана» со всеми вытекающими отсюда последствиями: с одной стороны, территориальный размах этого движения, а с другой—расстановка классовых сил в процессе возникшей борьбы и, следовательно, затяжка этого процесса во времени.

В этом и только в этом можно винить нашу партийную организацию, и в этих ошибках мы должны признаться. Туркестанская объединенная национальная и российская буржуазия в значительной мере была бы обезоружена, лозунг «Автономии Туркестана» она использовать уже не могла бы и в результате она вынуждена была бы вступить с нами в борьбу под более откровенными в смысле контр-революционности лозунгами, приблизительно такими же лозунгами, с какими вступала с нами в борьбу русская буржуазия в Центральной России.

А раз лозунги были бы иные, раз контр-революция в этих лозунгах выступала бы более отчетливо, более ярко, то всякому легче было бы разобраться в них и, следовательно, расстановка

классовых сил в этой борьбе была бы в значительной степени иная, со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде территориального размаха и размеров этой борьбы. Как территориальный размах, так и размеры той борьбы, которую мы называем кокандской автономией, были бы до некоторой степени уже и меньше и, следовательно, бороться нам с этой контр-революцией было бы в значительной степени легче.

Вот каково действительное значение наших ошибок.

Периоды Кокандской автономии.

Рассматривать историю кокандской автономии всю целиком, без подразделения ее на периоды, совершенно невозможно несмотря на то, что она обнимает собою всего лишь несколько месяцев. Бурные события того времени, быстрые нарастания и смена общественных настроений, частые и весьма решительные сдвиги в области общественных группировок и их взаимоотношений—все это может быть освещено с наибольшей полнотой только в том случае, если все это движение будет подразделено на соответствующие периоды и по ним рассмотрено.

Историю кокандской автономии необходимо подразделить на четыре периода: 1) подготовки, 2) буржуазного руководства, 3) улемистского руководства и, наконец, 4) период ликвидации.

Остановимся на основных моментах каждого из этих периодов.

Первый период, период подготовки Кокандской автономии, начинается с момента Октябрьской революции и кончается IV чрезвычайным красным мусульманским съездом (9—11 декабря 1917 г.).

Характерной чертой этого периода является нарастание контр-революционного движения, подготовка и организация сил контр-революции к предстоящим открытым боям с только что народившейся советской властью.

Составление, расстановка классовых сил в этот период представляется в следующем виде. По одну сторону, под знаменами советской власти и под руководством коммунистической партии стоит рабочий класс и примыкающая к нему часть мелкой городской буржуазии, преимущественно русской. Относительно национального сектора рабочего класса необходимо отметить, что часть его, благодаря своему специфическому

положению в производстве и благодаря низкому уровню развития, недостаточно активно поддерживает советскую власть, а некоторая часть занимает даже позицию нейтралитета.

По другую сторону баррикад при активном сотрудничестве социал-соглашательских партий стоит национальная и российская буржуазия.

С момента Октябрьской революции, российская буржуазия, находившаяся в состоянии постоянной хотя и недостаточно ярко выраженной борьбы с национальной буржуазией, возглавлявшей национально-освободительное движение в Туркестане, решила пересмотреть свое отношение к национальной буржуазии; мало того, что она пошла с ней на примирение, она согласилась на то, чтобы национальная буржуазия формально стояла во главе борьбы с советской властью, сама же согласилась занять второстепенное место, оставаться в тени, хотя за кулисами фактически руководила всем движением.

Все же гегемоном движения была национальная промышленная буржуазия.

Национальная интеллигенция после Октябрьской революции пошла вместе с буржуазией и была ее агитпропом.

Несколько иначе обстоит дело с улемой, позиция которой в первое время после Октябрьской революции была двойственная. В большинстве городов Туркестана, особенно в Ферганае, улема немедленно после Октябрьской революции открыто и решительно стала на сторону противников советской власти.

Но это было не везде. Например, ташкентская улема прислала свою делегацию на IV краевой съезд советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, которому предлагала союз и поддержку при условии, если съезд примет решение, что коренное население страны будет управляться по шариату.

Можно ли рассматривать этот факт, как попытку улемы войти в действительное соглашение с советской властью? Улема знала, что на такое соглашение советская власть не пойдет, но ей нужен был открытый и вполне определенный отказ советской власти от управления страной на основе шариата с тем, чтобы использовать этот отказ в интересах агитации среди той части коренного населения, которая находилась под влиянием улемы.

Само собой разумеется, что съезд советов отказал улемо в каком бы то ни было соглашении с нюк. Улема в целом, вто время еще довольно многочисленная и имевшая большое влияние на культурно-отсталое дехканство Туркестана, пошла на соглашение с буржуазией и вполне определенно встала на сторону подготовлявшейся буржуазией контр-революции. Этот переход улемы на сторону подготовлявшейся в Коканде авантюры вполне закончился уже к моменту 4-го съезда «Шура-исламия», т.-е. к концу первого периода.

Позицию дехканства в этот период необходимо охарактеризовать, как дружественный по отношению к советской власти нейтралитет. До Октябрьской революции, благодаря общей политике временного правительства в Туркестане, дехканство в массе своей было против временного правительства, но решительно стать на сторону рабочего класса во время и в ближайшее время после Октябрьской революции оно, конечно, не могло. Для активного и решительного выступления на стороне рабочего класса ему нехватало трех вещей: 1) понимания своих основных экономических и политических интересов, 2) достаточной для активного выступления организованности и 3) достаточного внимания рабочего класса и понимания им необходимости вовлечения дехканства в эту активную борьбу.

Мы ставим особое ударение на последнем моменте, чтобы решительно подчеркнуть нашу ошибку в этом отношении. За редким исключением в то время в Туркестане наши партийные организации страдали меньшевистской болезнью недоучета роли дехканства в революции, агитационная работа в кишлаке не была совершенно развернута.

Характер борьбы в первый период представляется в следующем виде.

Пролетариат, только что ввявший в свои руки политическую власть, все свои силы напрягает на создание нового советского государственного аппарата.

Разбитая в октябрьских боях буржуазия ведет спешную работу по собиранию новых сил, пытается соответствующим образом организовать эти силы и в то же время тщательно следит за своим победителем, подмечает все его ошибки, в надежде использовать эти ошибки советской власти и комму-

нистической партии в предстоящих боях. В открытый бой с советской властью буржуазия предпочитает пока-что не вступать.

В т о р о й п е р и о д нужно считать с момента IV чрезвычайного краевого мусульманского съезда, т.-е. с 2 декабря 1917 года по 20 февраля, т.-е. улемистского переворота внутри кокандской автономии.

Его характерной чертой является, во-первых, то обстоятельство, что объединенная национальная и русская буржуазия, в достаточной степени накопившая силы и прилично организовавшаяся, переходит в открытое наступление против советской власти. Она уже не прячется в подполье, действует открыто создает свое правительство, свою армию, требует от советской власти самоликвидации; а когда последняя отказывается это сделать, она переходит в открытое, вооруженное наступление на советскую власть.

Второй характерной чертой этого периода является иная, по сравнению с первым периодом, расстановка классовых сил в Туркестане. Дело заключается в том, что благодаря нашей ошибке в области национального вопроса, допущенной нами после Октябрьской революции, как городские мелкобуржуазные слои, так и дехканство стали с меньшей энергией поддерживать советскую власть. Активно поддерживали советскую власть лишь сравнительно небольшие группы рабочих и мелкой буржуазии в городах и дехканство, преимущественно организационно связанное с «Союзом трудящихся мусульман» (Фергана) и «Итифак» (Самарканд).

О том, чтобы дехканство и различные слои городских ремесленников перешли в лагерь контр-революции, конечно, речи быть не может, но и особо активной помощи советской власти в ее борьбе с контр-революцией они не оказывали. Но тут же нужно сделать оговорку, что отдельные группы трудящихся масс коренного населения, несмотря на ошибки советской власти и отдельных представителей, несмотря на попытки руководителей контр-революции всемерно раздуть и использовать эти наши ошибки, попрежнему оставались на стороне советской власти и оказывали ей посильную помощь.

В это время «Союз трудящихся мусульман» раскололся на два лагеря. Один лагерь, представлявший собою городскую мелкую буржуазию, стал на сторону Кокандской автономии,

а левое крыло «Союза» попрежнему продолжало защищать советскую власть и в это время оказало ей громадную услугу.

Деятельность советской власти, занятой борьбой с Дутовым и ликвидацией казацких банд в Самаркандской области, весь этот период сводится в сущности к собиранию сил и к подготовке к предстоящим открытым вооруженным боям. Момент нашего перехода в контр-атаку по времени почти совпадает с моментом улемистского переворота внутри кокандской автономии.

Этим улемистским переворотом начинается третий, по времени самый короткий (он продолжался всего лишь несколько дней), период в Кокандской автономии. Это был период высшего напряжения сил двух борющихся сторон. Кончается он бегством Иргаша³ из Коканда, т.е. 20 февраля 1917 года.

Внешним признаком, отличающим этот период от первых двух, как мы только что отметили, является то обстоятельство, что в этот момент борьба достигает наибольшей остроты, обе борющиеся стороны до отказа напрягают свои силы. Этот период является периодом открытых боев на улицах Коканда.

По своему внутреннему содержанию этот период отличается от предыдущего перестановкой классовых сил в лагере контр-революции. В первые два периода контр-революция возглавлялась буржуазией. Улема и вообще все силы крайней реакции, то-есть различные остатки старых феодальных слоев, в то время занимали место союзника буржуазии и играли второстепенную роль.

Четвертый период начинается с момента поражения сил контр-революции в Коканде и бегства Иргаша из Коканда.

Конец этого периода указать значительно труднее по сравнению с предыдущими периодами, так как после разгрома кокандской автономии и развала правительства, созданного на IV чрезвычайном красном съезде, и бегства Иргаша остатки той силы, которой располагала Кокандская автономия, стали перерождаться в басмачество. Басмачество, как один из видов борьбы с советами и по своему характеру и по расстановке

³ Начмилиции ст. гор. Коканда, возглавляющий вооруженные силы Кок. Авт.—П. А.

классовых сил в значительной степени отличается от Кокандской автономии.

Расстановка классовых сил в этот период еще более значительно отличалась от всех других периодов Кокандской автономии. В то время, как лившаяся руководящего положения, буржуазия, постепенно отходила от подготовленного ею же движения дехканство и многочисленный слой городских ремесленников все полн определенно начали переходить на сторону советской власти. Этому способствовала с одной стороны деятельность правительства Иргаша, массовые грабежи и насилие, которые позволяли себе его аскеры, бывшие уголовные преступники, а с другой, тоже решительное выявление мощи молодой еще советской власти.

Таковы в кратце основные черты передов, которые пережила Кокандская автономия.

Возникновение Кокандской автономии.

Разбитая в Ташкенте в дни Октябрьской революции как национальная, так и русская буржуазия все еще намеревалась продолжать упорную борьбу. Создавались всевозможные проекты контр-революционных выступлений. Руководителями всевозможных контр-революционных партий и группировок нащупывалась почва для всевозможных политических комбинаций, целью которых было свержение советской власти.

Рассчитывая в Фергане встретить наиболее сплоченную опору контр-революции, председатель краевого мусульманского совета Мустафа Чокаев немедленно после того, как в Ташкенте установилась советская власть, бежал в Фергану. Около 10 ноября он был уже в Коканде, откуда чуть ли не на следующий день предпринял поездку в Скобелев или, вернее, в Мергелан с целью нащупать политическую почву, изучить настроение различных контр-революционных слоев с тем чтобы на основе добытых сведений составить план дальнейших действий.

Как и следовало ожидать, в Фергане Мустафа Чокаев нашел решительное стремление буржуазии всех национальностей начать борьбу с народившейся советской властью. Оставалось лишь организовать эту борьбу, выработать общеприемлемые лозунги, заручиться союз. илами и т. д.

Для буржуазии и ее лидеров советская власть Туркестана своей ошибкой в национальном вопросе дала чрезвычайно выигранный для контр-революции, способный замаскировать контр-революционную сущность подготовлявшегося выступления лозунг: «автономия Туркестана».

Следом за Мустафой Чокаевым из Ташкента в Коканд перебрался краевой совет мусульман—«Шура-и-исламия», который стал центром, объединившем вокруг себя все контр-революционные силы не только Ферганы, но и всего Туркестана.

Из Коканда краевой совет мусульман поддерживал тесную связь со всеми городами Туркестана: Ташкентом, Самаркандом, Андижаном и т. д. Судя по некоторым данным, нужно думать, что уже в это время была установлена связь с контр-революционными группировками Закавказья и с Дутовым.

После того, как был найден подходящий лозунг, руководители контр-революционного движения приняли все меры к тому, чтобы в борьбе с советской властью буржуазия выступила не в одиночку. Нужно было каким-то образом перетянуть на свою сторону городскую мелкую буржуазию и дехканство. Чтобы иметь в этих слоях наибольший успех, буржуазия решила пойти на союз с духовенством, которое в безграмотной, культурно-отсталой массе коренного населения играло значительную роль. Все же руководящую роль буржуазия оставила за собой.

9—11 декабря (по пов. стилю) 1917 г. в Коканде, по инициативе краевого совета мусульман был созван IV чрезвычайный краевой мусульманский съезд. Основными вопросами этого съезда были: 1) вопрос о вхождении Туркестана в «Юго-восточный союз» и 2) вопрос об автономии Туркестана.

Убедительным доказательством того, что Кокандская автономия подготовлялась не только национальной, но и русской буржуазией, служат выступления представителей русской буржуазии на этом съезде. Например, на утреннем заседании съезда 10 декабря выступавший с приветственным словом городской голова сказал следующее:

«От души приветствую IV краевой мусульманский съезд и желаю, чтобы работа съезда принесла Туркестану возможно большую пользу, оставив по себе глубокий след в истории. Затем, уже как частное лицо, я могу сказать

вам, что Туркестану безусловно нужна свободная автономия». (Курсив наш. цитировано по переводу с узбекского из отчета о съезде в газете «Вакт» П. А.).

В той же газете «Вакт» в отчете о съезде приводится краткая запись речи некоего Черняева, приветствовавшего съезд от имени служащих народных учреждений области:

«Мое приветствие, как представителя народных учреждений, говорит за то, что мы к вам относимся с большим вниманием и надеемся, что вопросы, стоящие на повестке дня, вами будут разрешены с успехом. Я считаю, что Туркестан должен быть объявлен автономной областью, что явится основным хребтом, на котором на правильных началах может быть построено российское государство. Отдельные области, отдельные мелкие нации должны взять свою судьбу в свои собственные руки, только при таком условии возможна решительная и энергичная борьба с большевиками... Приветствую вас и автономный Туркестан». (Курсив мой—П. А.).

Съезд был открыт утром 9 декабря (по новому стилю) при торжественной обстановке. Президиум съезда был избран в составе 12 человек, в числе которых были: Мустафа Чокаев, Шагнахметов, Агаев, Ходжаев, Акаева и Махмудов.

Первым обсуждался вопрос о вхождении в «Юго-восточный союз». Этот вопрос был поставлен по предложению руководителя орнбургской казачьей контр-революции атамана Дутова, задавшего себе эфемерной целью объединения под своим главенством всех областей и народностей к югу и востоку от Оренбурга: области оренбургского, уральского, кубагского и семипалачинского казачьего войска, казачьи, киргизские, калмыцкие и башкирские земли, кавказских горцев и азербайджанских татар. Основная идея этого союза заключалась в том, чтобы укрепить контр-революцию в тех районах, которые являлись сырьевой и хлебной базой для промышленных губерний бывшей России, являвшихся центром революции.

Пытаясь втянуть в этот «дупный» союз хлопководческие районы, Дутов прислал руководителям туркестанской контр-революции свой проект договора о вхождении Туркестана в «Юго-восточный союз».

Прения по этому вопросу происходили на заседаниях съезда вечером 9 и утром 10 декабря. Вопрос этот для руководителей Кокандской автономии был совершенно новым, и к тому же он заключал в себе некоторую опасность. Плюсом для Чокаевых было то, что он объединял силы всей контр-революции и, таким образом, облегчал борьбу с советской властью, но, с другой стороны, эта идея пугала националистически настроенных лидеров Кокандской автономии возможностью вторичного превращения Туркестана в колонию русского капитала.

Вопрос этот вызвал длительные и чрезвычайно бурные прения.

Сторонники вхождения в «Юго-восточный союз», кроме указанного выше довода, указывали на то обстоятельство, что Туркестан, уделяя главное внимание хлопководству, не имеет своего собственного хлеба, питается преимущественно привозным из Оренбурга и Северного Кавказа хлебом, что Туркестан, Оренбургский край и Северный Кавказ экономически друг друга дополняют и что для Туркестана выгодно оформить политический союз с теми районами, которые к Туркестану экономически тяготеют. Кроме того, особенно религиозно настроенные националисты указывали на то, что население Кавказа исповедует ислам, и что это обстоятельство также является доводом за объединение с кавказскими мусульманами.

Соглашаясь со всеми этими доводами, противники вступления в «Юго-восточный союз» указывали на другие обстоятельства, которые имели также чрезвычайно серьезное значение, главнейшим же из этих доводов являлось указание на угрозу всевозможности возврата старых порядков русского империализма, что явилось бы неизбежным последствием победы русской контр-революции, возглавляемой атаманом Дутовым.

По свидетельству газеты «Вакт» (№ 298 за 1917 г.) противники вхождения в «Юго-восточный союз» говорили:

«Казакки с давних пор признаны усмирителями, сторонниками самодержавия. Сколько насилия они совершили над народом... Казакки всегда стояли против революции, теперь также над донскими казакками стоят Корниловы, Красновы, Карлуловы, Каледины и тому подобные монархисты, старающиеся восстановить самодержавие. Они хотят вести войну с Германией до победного конца, они хотят

взять Стамбул, восстановить храм Софии (Ах-София). Они зовут нас к себе не с тем, чтобы помочь нам, их единственное желание—использовать нас в своих выгодах, поэтому мы не можем объединяться с ними».

Сторонниками вхождения в «Юго-восточный союз» были наиболее правые элементы: представители духовенства и крупного торгового капитала, а также лица, до революции близко стоявшие к старому государственному аппарату. Противниками же вхождения в «Юго-восточный союз» были представители национального промышленного капитала и вместе с ними все слои мелкой буржуазии.

На съезде страсти разгорелась до крайних пределов. Газета «Вакт» говорит об этом следующее:

«На заседании теряется порядок. Председатель слабый, чувствуется неопытность. Выступления отдельных лиц и их крики с места говорят о том, что они всеми мерами стараются сорвать съезд, вследствие чего остальные гремятся. В зале поднимаются кенки, шум».

В конце концов председатель вынужден был закрыть заседание съезда, и вопрос о вхождении в «Юго-восточный союз» не был решен ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Больше к этому вопросу съезд не возвращался и перешел к обсуждению второго вопроса «об автономии Туркестана».

Прения по этому вопросу происходили на вечернем заседании 10 и утром 11 декабря. С докладом выступал некто Ходжаев. В основном доклад его сводился к тому, что в России, мол, нет настоящего правительства, что все нации, населяющие территорию бывшей России, выступили на борьбу с узурпаторами-большевиками, что нет, мол, никакой надежды на возможность созыва всероссийского учредительного собрания. Исходя из этого, докладчик указывал на необходимость выступить на борьбу с большевиками в Туркестане, для чего, мол, необходимо организовать свое правительство, которое будет автономно управлять Туркестаном.

В противоположность первому, этот вопрос особо страстных прений не вызывал. Все выступавшие ораторы указывали на необходимость борьбы с большевиками и объявления Туркестана автономным. Для иллюстрации приведем выступления

некоторых ораторов, пользуясь отчетом, напечатанным в газете «Вакт».

Ю с у н о в говорил о событиях в России, особенно о незаконных действиях большевиков. Он спрашивал себя, готов ли Туркестан к тому, чтобы взять себе автономию. И отвечал на этот вопрос, что, конечно, Туркестан не готов еще к этому, но что из этого вовсе не нужно делать вывода, что автономию объявлять не следует, раз хотим жить свободно, то автономию Туркестана объявить можно.

С а д ы к - Б а е в утверждал, что большевики сами не будут и не должны препятствовать объявлению автономии Туркестана. Объявление Туркестана автономным не должно смущать европейцев, так как религия ислама не против демократического образа правления.

А м и н - Х а н - Т ю р я говорил, что Туркестан уже в течение 50 лет находится под властью России. В первый период завоевания русские не вмешивались в религиозные, национальные, судебные дела коренного населения, в дальнейшем они стали протягивать руки ко всему и вмешиваться во все стороны жизни страны. После Февральской революции население Туркестана радовалось тем свободам, которые она дала, но, что теперь, когда у власти стали большевики, необходимо объявить автономию, и в этом отношении не нужно останавливаться ни перед чем. Говорят, что большевики объявят войну; пусть они не забывают, что турки-мусульмане в защиту своих религиозных и национальных прав крови не побоятся.

По окончании прений была зачитана заранее подготовленная резолюция, которая при чрезвычайно торжественной обстановке была принята съездом. Так, 11 декабря в 12 часов ночи была провозглашена руководителями контр-революционной буржуазии автономия Туркестана. По случаю такого выдающегося события были произнесены восхваления аллаху, были прочитаны соответствующие суры корана.

На этом съезде был избран, так называемый, «народный совет», в котором одна треть всех мест была предоставлена русской буржуазии. Этот «народный совет» имел функции законодательного и контролирующего органа, был своего рода парламентом Кокандской автономии.

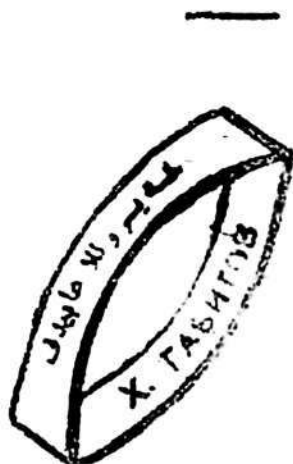

Кокандское автономное правительство.

На этом же съезде было избрано временное правительство автономного Туркестана во главе с инженером Танышбаевым, бывшим членом Туркестанского Комитета временного правительства. Этим инициаторы и руководитель Кокандской автономии хотели создать видимость преемственности своей власти от прежнего правительства, свергнутого большевиками.

Во главе правительства в дальнейшем инженера Танышбаева сменил Мустафа Чокаев. Министром финансов был Шаги-Ахмедов, юстиции—Махмудов, продовольствия—Потеляхов, военным министром—полковник Чанышев. Кроме того, в состав правительства входил доверенный фирмы Кноппа—Зигель и крупнейший капиталист—Вадьяев. Мы не имеем точных указаний на то, входил ли в состав правительства Юсуф Давыдов, но о том, что во всей Кокандской автономии он играл очень крупную роль, мы имеем прямые указания.

Хлопковые фирмы Потеляхова, Вадьяева, Юсуфа Давыдова и Кноппа—вот кто входил в состав правительства Кокандской автономии, вот кто фактически руководил этим контр-революционным движением, вот чьи интересы фактически представляла Кокандская автономия.

Масштаб Кокандской автономии ¹.

Кокандская—Ферганская автономия была движением далеко не местным. Это—общетуркестанское движение, которое в свое время охватило все районы Туркестана и втянуло всю туркестанскую буржуазию, независимо от национальности. Но по мере своего развития это движение постепенно втягивало и другие слои населения Туркестана.

Рассмотрим отношение буржуазии разных районов Туркестана к этой Кокандской автономии.

Это движение охватило собой не только Коканд, но и другие города Ферганской области. В состав правительства Кокандской автономии входил ряд крупнейших андижанских капиталистов. Андижанские адвокаты вместе с Ненсбергом принимали участие в разработке конституции кокандской автономии, а андижанский биржевой маклер Тиц являлся виднейшим агитатором Кокандской автономии.

Наманган также не был в стороне от Кокандской автономии, это видно из следующей резолюции наманганской буржуазии, помещенной в газете «Щит народа» от 14 января 1918 года.

— «Общее собрание мусульман Намангана, осведомившись о занятии крепости насильственным образом рабочими, вопреки распоряжению начальника гарнизона и о том, что рабочие разобрали находящееся в крепости оружие и имея в виду, что вооружение рабочих неизбежно вызовет нежелательные последствия—постановило: 1. Выразить протест против занятия крепости рабочими и их вооружения при наличии гарнизона и настаивать на том, чтобы немедленно счистили крепость и сдали гарнизону все ввядое оружие. Если настоящее требование не

¹ Данная работа г. Алексеенкова напечатана на русск. яз. в 1—2 сборниках Истпарт Ср. Аз. Бюро ЦК ВКП(б) «Ревдвижение в Средней Азии».

будет удовлетворено, то ответственность за последствия возлагается на главарей—местных большевиков, и мусульмане будут считать, что рабочие воссружились против них. 2. Выразить пожелание, чтобы на посту начальшка гарнизона оставался прапорщик Орбелов. 3. Предложить товарищам-рабочим возвратиться к мирной работе. Сообщая изложенное постановление, просим немедленно сделать соответствующее распоряжение».

Председатель собрания *Акразманов* (курсив мой П. А.)

Таким образом, мы видим, что ферганская буржуазия принимала в Кокандской автономии активное участие.

Но наиболее активную роль в деле подготовки Кокандской автономии и затем в работе по агитации за нее играла ташкентская как национальная, так и русская буржуазия. Самая идея кокандской автономии зародилась именно в Ташкенте. Для осуществления ее виднейшие ташкентские контр-революционеры специально выехали в Коканд, а оставшаяся часть продолжала вести активнейшую агитацию за Кокандскую автономию и даже пыталась от агитации перейти к действию. Особенно ярко это проявилось во время демонстрации 13 декабря 1918 года в Ташкенте, когда ташкентская буржуазия, собрав многотысячную, недостаточно разбирательную в происходивших событиях, толпу, приняла все меры к тому, чтобы использовать ее в своих интересах для свержения советской власти.

В Самарканде также была развернута самая широкая агитация за Кокандскую автономию. И, пожалуй, здесь эта агитация национальной буржуазии имела наибольший успех. В Самарканде имелась полурбочая организация «Иттифак». Насколько широко и успешно была поставлена агитация в Самарканде, свидетельствует тот факт, что даже «Иттифак» в решительные минуты заколебался и одно время выступал в качестве сторонника Кокандской автономии.

Не была в стороне от этого контр-революционного движения и киргизская буржуазия и ее интеллигенция. Об этом свидетельствует следующая телеграмма представителей «краевого мусульманского» и «киргизского» советов, посланная из Самарканды и напечатанная в газете «Знамя Свободы» от 10 ноября 1917 года:

«...Указанные организации насильственный захват власти Ташкентским Исполнительным Комитетом и Краевым Советом Рабочих и Солдатских депутатов считают узурпацией народной воли над мусульманским большинством края, считающим переход власти Советам, объединяющим ничтожную кучку населения, недопустимым в условиях Туркестанского края».

Отмечая этим документом участие казак-киргизской буржуазии в подготовке к осуществлению Кокандской автономии, мы в то же время считаем необходимым отметить, что именно киргизский и казакский районы Туркестана были меньше всего втянуты в это движение.

Закаспийская область также приняла участие в этом контр-революционном движении. Н. Захаров в своей статье «Из истории одного революционера», помещенной в № 12 сборника «Красная Летопись Туркестана» пишет:

— «Миллер приехал в Асхабад и имел связь с Кокандской автономией, о чем прямо или косвенно можно было заключить из его разговоров».

Но Миллер в Закаспийской области не оставался в одиночестве, вместе с ним Кокандскую автономию поддерживала и вся эс-эровская партийная организация, старавшаяся в своей практической политике не отставать от кадетов и вообще от всей буржуазии. 26 декабря 1917 года общее собрание служащих военно-народного управления (организация чиновников губернаторской канцелярии) вынесло резолюцию, в которой признает Кокандскую автономию единственно законной властью.

Все эти факты говорят о степени участия в Кокандской автономии всего Туркестана.

Но почему же центром этого контр-революционного движения стал Коканд, а не Ташкент, Самарканд или какойнибудь другой из туркестанских городов?

Понятно, что автономистское движение стремилось обосноваться в наиболее экономически сильном центре края. Возьмем Ташкент,—он был центром революционных сил Туркестана. Здесь был наиболее сильный, организованный пролетариат и революционные воинские части. Ташкент был центром победившей в октябре революции. Контр-революционное движение было бы здесь обречено на верную неудачу.

Так, несмотря на все усилия буржуазии и буржуазной интеллигенции, несмотря на пущенную в ход контр-революционную агитацию, самую низкую клевету и ложь, несмотря на использование всех пружин, имевшихся в распоряжении буржуазии—сколько-нибудь серьезного контр-революционного выступления в Ташкенте в день демонстрации 13 декабря создать ей все-таки не удалось. Достаточно было изъять главаря контр-революции Доррера, достаточно было кушкинскому красногвардейскому отряду дать один залп по толпе, как ташкентская буржуазия струсила и сдала, все ее планы рассыпались, и из широко задуманного выступления получился только контр-революционный шпик.

Совершенно иначе обстояло дело в Коканде.

Здесь были сосредоточены все главнейшие банки, через которые производились хлопковые операции. Эти банки в руках главарей контр-революции могли обратиться в великолепнейший «агитационный» аппарат.

Коканд был центром наиболее экономически мощной для всего Туркестана области. Владея Кокандом, контр-революция рассчитывала завладеть всей Ферганой; можно было влиять на все остальные области Туркестанского края.

Хотя Коканд был экономическим центром Ферганской области, но он вовсе не являлся ее промышленным центром. Заводов и фабрик в Коканде было меньше, чем в каком-нибудь другом крупном городе Туркестана. Следовательно, именно в Коканде главарь контр-революции рассчитывали встретить наименьшее сопротивление со стороны пролетариата.

Кроме того, Коканд почти не имел своего гарнизона. Те несколько десятков солдат старой армии, которые еще не успели разойтись по домам и оставались в Кокандской крепости, конечно, не могли считаться серьезным противником. Буржуазия великолепно учитывала, что одна, без надежных союзников, она не может рассчитывать на успех. Поэтому она попыталась перетянуть на свою сторону дехканство. А чтобы среди него иметь наибольший успех, буржуазия решила пойти на заключение союза с духовенством и вообще со всеми остатками старых феодальных слоев, в главах которых Коканд, как столица старого Кокандского ханства, имел громадное значение. Вот

причины, почему именно Коканд мог стать центром контр-революционного автономистского движения.

Участие русской буржуазии в Кокандской автономии.

О том, что до февральской революции русская буржуазия видела в Туркестане только свою колонию, говорить не приходится. Но и после февраля позиция русской буржуазии в этом вопросе ни на йоту не изменилась. Как до, так и после февраля русская буржуазия стремилась удержать Туркестан на положении колонии. Приведу некоторые доказательства. Наиболее характерна в этом отношении статья некоего К. Тамаева «Автономия Туркестана», помещенная в газете «Туркестанский Курьер» от 15-го апреля 1917 года. Статья эта написана под впечатлением совещания, которое созывалось Туркестанским Комитетом, и отражает в себе не только мнение самого автора, но и другие настроения, выявившиеся на этом совещании. Эти мнения автор статьи передает следующим образом:

«По поводу устроенного на-днях совещания из представителей разных политических партий для обсуждения вопроса об автономии Туркестана, мне в самых различных слоях населения пришлось услышать упреки, сводящиеся к одному мнению: бросьте подобного рода суждения и предрассудательства, ибо они теперь не по времени, т. к. главная задача переживаемого момента состоит совершенно в ином...

«Вопрос об автономии Туркестана не так прост, чтобы его можно было вынести в 2-3 часа на заседании у уполномоченного. Он требует значительной затраты времени на предварительное обследование и изучение...

«Исключительное положение Туркестанского края.. делает невозможным введение в нем полной политической автономии. (Курсив мой П. А.).

«В этом, по крайней мере, соглашались представители всех партий на упомянутом мной совещании. Приходится в силу необходимости поступиться основными положениями программ наших политических партий».

И дальше:

«Подобных вопросов при обсуждении вопроса об автономии Туркестана возникает много, и все они заставляют откестись отрицательно к желательности построить теперь

же жизнь свободного Туркестана на автономных политических началах.

«А Бухара и Хива.

«Деспотическое управление этими странами не может быть оставлено в силе. Дать и им автономию. Но что из этого получится».

Таковы те мнения, которые автору этой статьи пришлось слышать на этом совещании. Но каково же его собственное мнение по данному вопросу? На это К. Тамаев отвечает следующим образом:

«В общем Туркестанский край представляет собой ярко выраженную колонию по отношению к России, которая является для нашего Туркестана метрополией. Говорить и писать об этом при прежнем строе управления запрещалось неизвестно по каким соображениям, вероятно, из опасения сепаратизма.

«Как колония, Туркестан должен быть устроен в отношении самоуправления на подобие английских и французских колоний. При этом нужно иметь в виду громадную разницу, которая безусловно наблюдается между культурным населением Канады и Австралии и туземным населением Туркестана, а также и количеством туземцев в сравнении с нашим Туркестаном». (Курсив мой П. А.).

Здесь К. Тамаев, отражая, а в лучшем случае разделяя мнение своих старших братьев кадетов во главе со Щепкиным, вполне членораздельно говорит о том, что Туркестан должен быть русской колонией и не такой, конечно, как Канада или Австралия, где население обладает высокой культурой и где много европейцев. До такого положения Туркестан, мол, еще не дорос, он должен занять, примерно, такое положение, в котором находятся английские и французские колонии в Азии или в Африке.

На этот же счет имеется еще один чрезвычайно интересный документ. Это—письмо присяжного поверенного И. В. Чертова и Б. А. Вараксина на имя Керенского.

«...Крайне важно знать, какую политику вы будете поддерживать по отношению к Туркестанскому краю: федеративную или же колониальную».

«По нашему мнению, Туркестанский край должен быть русской колонией хотя бы временно, ибо невозможно ожидать, чтобы мусульмане отрешились теперь же от религиозной, национальной и племенной нетерпимости. Если предоставить мусульманам при настоящих условиях возможность самоопределиться, то картина недалекого будущего рисуется нам в виде борьбы отдельных племен и родов за власть, что несомненно примет характер кровавой бойни, предотвратить и прекратить которую мусульмане не будут в состоянии без помощи извне».

Позиция меньшевиков в этом вопросе немногим отличалась от позиции буржуазных партий и буржуазии.

Но вот произошла Октябрьская революция. И уже теперь русская буржуазия решительно меняет свою позицию по вопросу об автономии Туркестана. Она вдруг на всех углах с пеной у рта начинает кричать о необходимости автономии.

Так, уже 12-го ноября 1917 года в газете «Знамя Свободы» помещается статья меньшевика Г. Павлюченко, в которой автор усиленно агитирует за автономию. Он пишет:

«Свобода, добытая после массы жертв и напряжений, должна одинаково распространяться на все народы и давать им возможность определять самим свою судьбу, устраивать свою жизнь».

«Мы, европейцы, попавшие в Туркестан, где живут огромные массы азиатских народов, должны учитывать основной принцип демократии—самоопределение народов».

И примеров подобных агитационных выступлений меньшевиков и буржуазии, ратовавших за немедленную автономию Туркестана после Октября, можно было бы привести несколько.

После того, как лозунг автономии Туркестана национальной буржуазией, большинство которой до того высказывалось за унитарную демократическую Россию, во главе с Мустафой Чокаевым, подхватила и приступила к его осуществлению, русская буржуазия и русская буржуазная интеллигенция во главе с меньшевиками и социалистами-революционерами стали словом и делом помогать национальной буржуазии в ее борьбе с Советской властью.

Примеров такой активной помощи национальной буржуазии со стороны буржуазии русской и ее подголосков можно приве-

сти довольно много. Мы остановимся на нескольких, наиболее интересных фактах.

В Ташкенте часть русской буржуазии, офицерства, меньшевиков и эс-эров в первые дни после Октября скрывалась в старом городе. Там они строили всевозможные контр-революционные планы, вели контр-революционную агитацию и в том числе агитацию за автономию Туркестана. Неизвестно кто является инициатором манифестации 13-го декабря в Ташкенте: национальная или русская буржуазия, но участие в подготовке этой манифестации со стороны русской буржуазии было весьма значительное. Особенно стлчался в этом отношении офицер ташкентской школы прапорщиков—капитан Фролов.

Дальше, уже в день манифестации, русская буржуазия и буржуазная интеллигенция тысячами толпами отправлялась в старый город на митинг и там особенно решительно подзуживала население старого города своими выкриками по адресу присутствовавших на митинге народных комиссаров к более активным выступлениям.

Наконец, уже в новом городе, у сквера, именно провокационные речи русских контр-революционеров толкнули толпу на выступление, при чем и в этом выступлении русские контр-революционеры были все время в первых рядах.

В непосредственной подготовке самой Кокандской автономии русская буржуазия также принимала активнейшее участие. Например, конституцию, принятую правительством Кокандской автономии, разрабатывал присяжный поверенный Нанзберг, совместно с другими русскими юристами. Как только было сформировано правительство кокандской автономии, на службу к нему поступило много русских офицеров. В качестве примера мы можем сослаться на Кожухова, который был инструктором в «армии», созданной правительством Кокандской автономии, а после того, как Иргаш арестовал военного министра—полковника Чанышева, он был даже военным министром, правда, всего лишь одни сутки.

Особенно активное участие в Кокандской автономии приняла партия социалистов-революционеров.

Н. Захаров в статье «Из истории одного революционера», помещенной в сборнике «Красная Летопись Туркестана» № 1—2, пишет следующее:

— «Миллер (ташкентский эс-эр) как видно руководил автономией. Он ловко вел съезд. Шупал нас всех умелой рукой авантюриста. Я некоторым членам съезда говорил, что Миллер сильно похож (и его жена) на американских авантюристов Нат Пинкертонов, что он хочет использовать съезд, чтобы пройти в правительство. Миллер как-то боком, между прочим поставил этот вопрос. Я резко выступил против вхождения. Рабочие (их из 18—20 членов съезда было большинство) поддержали меня и Миллер отрекся, заявив, что он нарочно сказал это и т. д...

...Миллер приехал в Асхабад и имел связь с Кокандской автономией, о чем не прямо, а косвенно можно было заключить из его разговоров».

Но нам думается, что показание Н. Захарова не совсем верно, ибо у нас имеются сведения, что именно на этом эсэровском съезде, о котором он рассказывает, от партии социалистов-революционеров был дан официальный представитель в состав правительства Кокандской автономии.

В узбекской газете «Улуг Туркестан» от 19-го января 1918 года имеется следующая корреспонденция из Коканды:

«7—10 января в городе Коканде состоялся 2-й общий съезд социал-революционеров всего Туркестана. На съезде присутствовали представители из Коканды, Скобелева, Андижана, Мерва, Самарканды, Асхабада, Кизил-Арвата и нефтяных промыслов. На съезде единогласно постановили о присоединении к Туркестанской автономии. Представителем на заседание Совета был выбран Искумаров. (Курсив мой П. А.).

Нашли необходимым проводить выборы в Туркестанское учредительное собрание не позже 10-го марта. Открытие учредительного собрания было назначено на 20 марта. Было постановлено выпускать в Коканде одну газету, как орган партии».

Таким образом, представителем от партии социалистов-революционеров в правительство Кокандской автономии был дан Искумаров. Даже самый созыв эсэровского съезда в Коканде, где в то время находилось правительство Кокандской автономии, нужно рассматривать, как факт стремления социалистов-рево-

людиоперов установить организационную связь с Кокандской автономией.

Вот еще один документ, подтверждающий причастность партии социалистов-революционеров к Кокандской автономии. Это — коротенькая записка ферганского областного комиссара с-р Маевского на имя члена правительства Кокандской автономии А. Уразаева.

«Многоуважаемый тов. Уразаев.

Конечно, Вам понятно, как горячо я приветствую Вас и, вероятно, известно, что наша с-р фракция также! Но почему Вы молчите. Позвоните хотя по телефону; не делаю этого сам, ибо не знаю, где Вы. Меня все еще не освобождают от моей проклятой службы, хотя чувю, что час скоро пробьет, а пока мрачны виды. Привет всем.

Ваш Маевский. — 16 декабря 1917 года».

О том, что русская интеллигенция в Туркестане на ряду с русской буржуазией всемерно поддерживала Кокандскую автономию, говорит следующая резолюция Ташкентского учительского союза, принятая общим собранием 10-го декабря 1917 года по вопросу об автономии Туркестана:

— «Признавая провозглашение Великой Российской Революции, право национальностей на самоопределение и принимая во внимание территориальную и культурную особенность Туркестанского края, Ташкентский учительский союз приветствует автономию Туркестана и считает необходимым немедленный созыв Туркестанского Учредительного Собрания для окончательного укрепления автономии в единении со Всероссийским Учредительным Собранием».

В своих воспоминаниях о Кокандской автономии т. Сазонов рассказывает о том, что Кокандский поп Богрянский передал правительству Кокандской автономии 60 рублей церковных денег на приобретение оружия. А когда правительство действительно приступило к формированию своих воинских частей, то кокандские власти временного правительства, сравнительно долго державшиеся после Октября, передали правительству Кокандской автономии 120 винтовок.

Но кокандская автономия имела связь не только с русской туркестанской буржуазией, у нее была связи и с русской контр-революцией (общероссийской).

Вот документ, который с полной ясностью устанавливает связь кокандской автономии с генералом Дутовым.

«Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска. •

30 декабря 1917 года.

Председателю военной секции при временном правительстве автономного Туркестана—прапорщику Заведееву.

«Препровождая копию постановления своего от 29-го сего декабря, Войсковое правительство просит непосредственно снестись со следующими через Туркестанский край строевыми частями Оренбургского казачьего войска по вопросу о временной передаче этими частями имеющегося у них оружия в распоряжение временного правительства автономного Туркестана, в случае невозможности казачьим частям прибыть в войска неразоруженными войсками совета народных комиссаров Туркестанского Края.

Войсковой атаман Дутов. Члены Войскового правительства: Репников, Шайгин, Анисимов, Мыдрин и Половников».

Чем же объясняется такой решительный поворот русской буржуазии в вопросе об автономии Туркестана?

Причиной такой решительной перемены в убеждениях русской буржуазии послужила Октябрьская революция, лишившая буржуазию и экономического и политического значения. Чтобы вернуть себе свои прежние позиции господствующего класса, буржуазия искала союзников. Одним из таких союзников российской буржуазии в то время могла явиться национальная туркестанская буржуазия.

Но всякий союзник требует уступок. И русская буржуазия вынуждена была пойти на значительные уступки национальной туркестанской буржуазии, на признание за последней права на автономию Туркестана. Такая уступка могла создать и действительно создала единый фронт двух национальных капиталистических классов для борьбы с их общим врагом—советской властью.

Деятельность правительства Кокандской автономии.

Перед IV чрезвычайным краевым мусульманским съездом временного правительства встала чрезвычайно трудная задача—перетянуть на свою сторону, завоевать симпатии дехканства и многочисленного слоя ремесленников. Обстановка этому благоприятствовала. Благодаря вызванному войной, экономическому кризису, завоз всевозможных товаров фабрично-заводского производства в Туркестан был самый ничтожный, а со времени выступления Дутова, прекратился совсем, что привело к увеличению спроса на кустарные изделия и повышению на них цен. Все это временное правительство автономии могло и пыталось использовать в своих интересах.

Значительно труднее для временного правительства было перетянуть на свою сторону дехканство. В течение последних десятилетий дехканство в массе своей обнищало, безземелье и парцеллизация возросли до крайних пределов. Для того, чтобы сделать дехканство своей действительной опорой, нужно было реально облегчить бедственное положение кышлака.

Но такой мерой могла быть только земельная революция—передача земли в руки дехкана-землероба, на что временное правительство, защищавшее интересы своих хозяев, пойти, конечно, не могло. Единственная мера для завоевания дехканства, имевшаяся в распоряжении правительства Кокандской автономии, была голая агитация. Подкрепить ее действительно выгодной для дехканства экономической и особенно земельной политикой главари Кокандской автономии совершенно не могли.

Для агитации в широких трудовых массах коренного населения, временное правительство использовало имевшиеся в кышлаках и городах местные интеллигентные силы и духовенство. Школы всех категорий, мечети, чайханы, базары и т. д. превратились в места, где энергично велась агитация сторонников автономии.

Основными темами для агитации за Кокандскую автономию и против советской власти были следующие моменты: 1) решительно надвигавшийся голод, 2) насилия и зверства большевиков, 3) безбожие большевиков и прочие связанные с ним ужасы, 4) большевистский империализм, 5) националистическая проповедь и т. д.

На Туркестан надвигался тогда голод. Он был обусловлен целым рядом обстоятельств—безводие весны и лета 1917 года; выступление атамана Дутова в Оренбурге, благодаря которому вовсе прекратился привоз хлеба из России; мобилизация на тыловые работы; отказ временного правительства провести хлебную монополию; злоупотребления продовольственных комитетов, созданных еще при временном правительстве и составленных исключительно из представителей буржуазных думских дельцов и хлеботорговцев.

Все эти причины распространявшегося в Туркестане голода лежали вне воли советской власти. Но сторонники Кокандской автономии замалчивая эти обстоятельства всю вину за надвигавшийся голод пытались ввалить на советскую власть. Они говорили, что если бы не было в Ташкенте советской власти, то можно было бы привезти хлеб из Оренбурга и что, мол, атаман Дутов, который является сторонником Кокандской автономии, обещает прислать необходимый для Туркестана хлеб.

Буржуазия обвиняла большевиков в жестокости, зверствах, насилии. Клевета на советскую власть, самая разнузданная ложь, заполняли собой газеты того времени, как русские, так и национальные.

Безбожие большевиков также пытались использовать против советской власти. Особенно усердствовала в этом отношении улема, видевшая в безбожьи главную угрозу для своего существования. И надо отметить, что именно этот момент сбивал с толку темные малограмотные ряды дехканства. Дехкане не имели земли, дехкане были окончательно разорены всей системой многолетней капиталистической эксплуатации. Большевики и советская власть ставили перед собой задачу разрешить земельный вопрос и уничтожить капиталистическую эксплуатацию. Поэтому дехканство готово было пойти за большевиками. Но дехкане были безграмотны и веровали в бога, а большевики проповедывали безбожье, с чем дехкане не могли согласиться; особенно при организованном воздействии многочисленного духовенства.

Особенно упорно использовалась сторонниками Кокандской автономии ошибка нашей партийной организации в национальном вопросе. Они на всех углах кричали, что большевики—империалисты, что большевики проводят такую же колониаль-

ную политику, какую проводило царское правительство, что большевики хотят попрежнему превратить Туркестан в свою колонию.

С этим обстоятельством тесно связывалась националистическая агитация. Лозунг «Туркестан для туркестанцев», всевозможные пантюркистские идеи пропагандировались самым настойчивым образом.

Нужно добавить, что для руководства агитационной работой руководителями Кокандской автономии были куплены и организованы три газеты: одна на русском языке («Свободный Туркестан»), другая на казак-киргизском и третья на узбекском языке—«Эль-байрак» («Знамя»). Кроме того к услугам автономистов была узбекская газета «Улуг Туркестан» («Великий Туркестан»), а издававшаяся в Скобелеве газета «Знамя Свободы», под флагом нейтралитета фактически обслуживала нужды правительства Кокандской автономии.

Главарь Кокандской автономии чувствуя, что трудовые массы коренного населения Туркестана—дехкане и ремесленники, несмотря на всю агитацию сторонников Кокандской автономии, далеко не на стороне этой автономии, решили созвать краевой съезд рабочих и дехканских депутатов, который состоялся в первых числах января 1918 года.

Цель, которую правительство Кокандской автономии преследовало при созыве этого съезда, заключалась в том, чтобы продемонстрировать перед советской властью симпатии к нему со стороны трудящихся слоев коренного населения и создать такой орган, который был бы связующим звеном между правительством Кокандской автономии и трудящимися массами.

Существовавший в Фергане «Союз трудящихся мусульман» уже несколько месяцев фактически был под запретом, так как контр-революционное мусульманское духовенство, с которым «Союз трудящихся мусульман» во время выборов в местные органы самоуправления и в учредительное собрание вел решительную борьбу, выпустило против него запретительную фетву, в которой члены «Союза трудящихся мусульман» объявлялись изменниками религии, неверными и т. д. и т. п.

Созданное на IV съезде Шура-и-ислами правительство Кокандской автономии «Союз трудящихся мусульман» легаль-

ной организацией хотя и не признавало, но должно было считаться с его существованием.

На созванном правительством Кокандской автономии «Съезде рабочих и дехканских депутатов» подавляющее большинство принадлежало «Союзу трудящихся мусульман». Членов этого союза было так много, что некоторые товарищи склонны считать его, как съезд «Союза трудящихся мусульман».

Однако этот инсценированный съезд нельзя считать за настоящий съезд рабочих и дехканских депутатов. Дело в том, что при выборах представителями правительства Кокандской автономии применялись всевозможные методы нажима и на съезде было избрано значительное количество людей, не представлявших собой интересы трудящихся масс. Это первая причина. Вторая причина заключается в том, что «Союз трудящихся мусульман», в котором на ряду с рабочими и дехканами были и мелкие и средней руки предприниматели, к этому времени раскололся на две фракции: правую и левую. Правительство Кокандской автономии, стараясь использовать авторитет «Союза трудящихся мусульман» в глазах широких масс населения особенно в городах, в то же время всемерно старалось, чтобы на съезд были избираемы представители правого, наиболее соглашательского крыла этого «Союза».

Для характеристики классовой физиономии этого съезда полезно привести слова из статьи неизвестного автора «Кокандская автономия», помещенной в сборнике «Красная летопись Туркестана». Там автор, повидимому очевидец, пишет:

«Само собой разумеется — вся эта процедура инсценирования рабочего съезда и демонстрирование его симпатий правительству не обошлась без комических моментов. На этом бутафорском съезде, который разошелся избрав из своей среды краевой мусульманский рабочий совет, выступал с обширной программной речью покойный Полторацкий. Для ответной речи от имени съезда и в защиту автономии выступал некто М., который произнес длинную историческую лекцию на тему... об убийстве Гусейна на берегу Ефрата и демократизме ислама.

Эффект был колоссальный, если не сказать грандиозный. Часть «рабочих» депутатов во главе с известным Н. Х. впала в истерику и умиленно плакала под ликующими взорами тех, кто был заинтересован прежде всего в политическом закреплении

положения автономного правительства. Лишь один скептический настроенный депутат из киргизской оппозиции при виде этой религиозно-политической комедии мусульманской буржуазии недовольно пробурчал: «Опять старые песни».

Все же автор статьи не совсем прав в оценке этого съезда. Далеко не все участники съезда рыдали при воспоминании о трагической кончине семейства Алия. Многие в это время думали о продолжении решительной борьбы с буржуазией и с теми, кто ради ласкового взгляда буржуазии и буржуазного правительства Кокандской автономии предаст интересы рабочего класса и дехканства.

На съезде организовалась, правда, небольшая группочка левых членов «Союза трудящихся мусульман» и «Иттифак», которая решила разоблачить контр-революционную сущность Кокандской автономии. Постерпев поражение на самом съезде, эта группа левых послала в Петербург телеграмму, в которой выражала протест против Кокандской автономии. Это все, что она могла сделать.

Правительство Кокандской автономии достигло той цели, которую оно ставило перед собой при созыве этого съезда. Умело подобранные буржуазные подпевалы на этом съезде весьма ярко продемонстрировали свою солидарность с контр-революционным правительством Кокандской автономии. А для того, чтобы буржуазное правительство и в дальнейшем имело опору в широких массах трудящихся, на съезде был избран «Краевой мусульманский рабочий совет».

Внешне картина получалась весьма убедительная. «Шура-и-улема», «Шура-и-исламля», «Краевой мусульманский рабочий совет»... Одним словом, вся нация, все классы, все народы Туркестана решительно требуют себе автономии под главенством туркестанской буржуазии. Но уже через несколько недель для всех стало ясно, что за этими громкими вывесками, пытающимися представить все население Туркестана, выглядывает только одна лоснящаяся физиономия буржуазии.

Одновременно с этим, правительство Кокандской автономии всеми силами пыталось подчинить себе весь низовой государственный аппарат. Строить же новый государственный аппарат оно и не думало, так как не видело в этом никакой необходимости. После Октябрьской революции советская власть довольно

быстро перестроила государственный аппарат лишь в новых городах, государственный же аппарат в старых городах и в кишлаках в это время оставался прежний. Поэтому, правительству Кокандской автономии, во всем пытавшемуся подчеркнуть свою преемственность от прежнего временного правительства, выполнить задачу подчинения нового государственного аппарата было сравнительно легко.

Несмотря на то, что Кокандская автономия представляла собой интересы буржуазии, финансовое положение автономии никогда не было блестящим. Первое время правительство Кокандской автономии существовало на те незначительные средства (несколько сот тысяч рублей), которые были собраны по подписному листу. Но эти средства, благодаря высоким ставкам чиновникам правительства Кокандской автономии, были весьма быстро исчерпаны, а новых доходов оно не имело.

К этому времени приезжавший в Коканд на так называемый «Съезд рабочих и дехканских депутатов», г. Полторацкий, убедившись, что без открытой и решительной борьбы с автономистским правительством нам не обойтись, национализировал Кокандское отделение государственного банка, где имелись крупные вклады местных капиталистов. Сведения о национализации Полторацким отделения государственного банка быстро разнеслись как по Коканду, так и по другим городам, создавая настроение недовольства слабостью правительства Кокандской автономии. Особенно волновались вкладчики, потерявшие свои капиталы. Сгустившаяся политическая атмосфера разразилась министерским кризисом. Вместо Танышева у власти встало правительство более решительного Мустафы Чокаева.

Как только Мустафа Чокаев очутился у власти, он приступил к проведению внутреннего займа в 30 миллионов рублей (на тогдашние деньги). Заем проводился при помощи решительного административного нажима. Просто на квартиру или в лавку купца или ремесленника являлся кто-нибудь из чиновников и говорил, что он должен подписаться на заем в сумме такой-то, и лавочник выполнял волю начальства, чтобы не навлечь гнев на свою голову. Всякая попытка отказаться от подписки на заем истолковывалась, как сочувствие советской власти и нежелание поддержать правительство.

Но главную и самую трудную задачу для «правительства» представляло формирование вооруженных сил. Никакими национальными кадрами для формирования воинских частей правительство Кокандской автономии не располагало. Кроме того, громаднейшим препятствием в этом отношении являлось распространенное в Туркестане, особенно среди узбеков, отвращение к военной службе. Еще во времена Кокандского ханства в армию отдавали только в виде наказания за различные проступки и преступления, поэтому у населения постепенно сложилось отвращение к солдату, как к преступнику, а к военной службе, как к тюремному заключению. Таким образом, для формирования воинских частей правительство Кокандской автономии не располагало ни кадровыми, ни переменным составом.

Выход из этого трудного положения был найден следующий. В качестве командного состава и инструкторов было решено пригласить офицеров из русских и татар, а также из среды пленных турецких офицеров. В качестве солдат принимались добровольцы из местного населения, но таковых нашлось весьма незначительное количество. Нанимались преимущественно кавказцы и выходцы из Персии. Судя по некоторым данным, набрать больше 60 человек солдат правительству Кокандской автономии так и не удалось. На должность «военного министра» и главнокомандующего был назначен полковник Чамышев.

Когда выяснилось, что сколотить необходимое количество добровольцев не удастся, правительство Кокандской автономии решило пригласить к себе на службу главаря басмаческой (грабительской) шайки Иргаша вместе со всей его шайкой. По другим сведениям Иргаш был начальником милиции старого города Коканда до объявления автономии и на этот пост его пригласило прежнее правительство для борьбы с бандитизмом (примеч. редакции).

Сам Иргаш к этому времени за бандитизм успел побывать на каторге и вообще вся его шайка была укомплектована каторжанами, сумевшими использовать сумятицу революционного времени и бежать из Сибири.

Официально Иргаш был назначен на должность начальника Кокандской милиции, а его джигиты были зачислены милиционерами. Как только грабитель Иргаш сделался начальником милиции, он немедленно приступил к развертыванию своей шай-

ки, принимая в нее все подопки старого города. Точно установить численность отряда Иргаша не представляется возможным. Некоторые источники говорят, что у него во время боев было до 4.000 джигитов, но это безусловно—преувеличение.

Каковы же в общем результаты деятельности правительства Кокандской автономии?

Внешне некоторые из его мероприятий имели успех. В действительности же результаты всей его деятельности нужно рассматривать как полный провал. Начнем с агитации. Развернута она была довольно хорошо, все доступные «правительству» средства были использованы, но невозможность разрешить земельный вопрос и т. д. совершенно парализовали всю агитационную работу агентов Таньпашева и Мустафы Чокаева. Это особенно ярко сказалось во время кокандских боев и во время улемистского переворота.

Созыв красного съезда рабочих и солдатских депутатов тоже дал только видимые результаты, так как избранный на этом съезде «Краевой мусульманский рабочий совет» в действительности не отражал интересов и настроений рабочего класса и дехканства и не имел на них влияния.

Финансовые мероприятия «правительства» дали, конечно, некоторые средства для его существования, но метод проведения внутреннего займа оттолкнул от него широкие массы мелкой буржуазии, поддержка которой для правительства Кокандской автономии имела, пожалуй, решающее значение.

Но самые незначительные результаты имело «правительство» в отношении строительства вооруженных сил.

Регулярной армии, как мы видим, ему создать совершенно не удалось, ибо 60 человек, хотя бы и под командой стольких же офицеров, никак не могли считаться армией, а регулярные войска, которыми по существу являлась басмаческая шайка Иргаша, хотя и были созданы, но, как мы в дальнейшем увидим, послужили главной причиной неудачи всего автономистского предприятия.

Демонстрация 13 декабря.

О подготовке к демонстрации в Ташкенте органам советской власти стало известно еще примерно недели за две.

План организаторов демонстрации был следующий. Сначала предполагалось под видом демонстрации собрать возможно более значительную толпу и затем, наэлектризовав ее, арестовать народных комиссаров и одновременно освободить из тюрьмы Доррера и других арестованных контр-революционеров. Завершением всего этого плана намечалось создание своего правительства во главе с Доррером.

В тюрьме, в камере, где находился Доррер, был найден текст воззвания к «мусульманам» от имени «русской группы», в котором «мусульмане» призывались стать во главе восстания. Привести в исполнение этот план предполагалось в день демонстрации 13 декабря.

Вопрос о подготовлявшейся в старом Ташкенте демонстрации был поставлен на обсуждение и в Совнаркоме. Протокола этого заседания Совнаркома нам не удалось найти, но о том, какую позицию занял Совнарком по данному вопросу, мы можем судить по докладу т. Тоболина на заседании Ташкентского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. В отчете об этом заседании, напечатанном в «Нашей Газете» от 9 декабря 1917 года мы находим следующее:

— «Товарищ Тоболин, ознакомив Совет с постановлением Исполнительного Комитета о манифестации, заявил, что Совет Народных Комиссаров вместе с Исполнительным Комитетом решил принять участие в манифестации, быть на митинге и приветствовать собравшихся, объяснить отношение Совета автономии Края, но вследствие возможности провокационных выступлений отдельных безответственных лиц, он не считает возможным устроить манифестацию русской части города» (курсив мой П. А.).

Из этого заявления т. Тоболина, стоящего тогда во главе нашей туркестанской партийной организации и одновременно Совнаркома, мы можем заключить, что и в руководящих кругах нашей партийной организации и в Совнаркоме, как по вопросу о Кокандской автономии вообще, так и относительно подготовлявшейся 13 декабря демонстрации, была полная растерянность.

Уже в то время многие, если не все, понимали, что руководители контр-революционного движения учли популярность

Лозунга автономии Туркестана в широких массах, учли и нашу ошибку и решили сыграть на этом. Понимали это, конечно, и члены Партийного Комитета и члены Совнаркома и все же не смогли исправить своей ошибки. Выступить против лозунга автономии они считали невозможным, ибо им казалось, что это слишком противоречило бы положению партии о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Поэтому тов. Тоболин предлагает «принять участие в манифестации, быть на митинге и приветствовать собравшихся» и также «объяснить отношение Совета к автономии Края», то-есть разъяснить тем, кто собирается на митинг, что национальная буржуазия при активной поддержке русской буржуазии выбрасывает лозунг автономии не ради самой автономии, а исключительно ради того, чтобы свергнуть власть пролетариата и самим снова сесть на шею рабочих и дехкан.

Но если тов. Тоболин предлагал пойти на митинг для того, чтобы вскрыть всю лживость, весь обман того политического хода буржуазия, который называется Кокандской автономией, то кого же он хотел приветствовать? Неужели обманутых ремесленников старого города и дехкан окрестных кишлаков. И по поводу чего приветствовать он собирался старгородских ремесленников, неужели по поводу того, что национальная буржуазия так ловко обманула их? Нелепость такого предложения, которое, кстати сказать, было принято и проведено в жизнь, особенно наглядно доказывает, что наша туркестанская партийная организация в то время не доросла еще до настоящего большевизма, что у нас тогда было еще слишком много мелко-буржуазного налета, который оставил известный отпечаток на некоторой части русского рабочего класса Туркестана.

Получив сведения о подготовке демонстрации, Совнарком решил, во избежание эксцессов, не пропускать 13 декабря в старый город русских, так как уже в то время было известно, что именно группа русских офицеров во главе с Фроловым старается довести демонстрацию до столкновения с советской властью.

Проведению самой демонстрации и митинга в старом городе было решено не мешать, так как всякое вмешательство могло бы привести к столкновению, во время которого неизбежно могли бы быть совершенно невинные жертвы. В то же время из старого

города в новый было решено не пропускать местное население. Для этого перед рассветом (в 5 часов) 13 декабря район Урды и другие места стыков старого и нового Ташкента были заняты советскими войсками.

Руководство всем порядком этого дня было возложено на начальника гарнизона т. Стасикова.

При объезде города утром 13 декабря т. Стасиков заметил большую группу русских интеллигентов, двигавшуюся по направлению старого города с плакатом, на котором значилось— «Автономия Туркестану». Тов. Стасикову эта группа заявила, что она является делегацией в старую часть города для приветствия местного населения.

Несмотря на принятое решение, эта группа т. Стасиковой была пропущена и для сопровождения ее был командирован конный разведчик.

В 9¹/₂ часов утра было получено сообщение о том, что около Урды стоит громадная толпа русских—в 2—3 тысячи человек, требующая, чтобы ее пропустили в туземную часть города для присоединения к демонстрации.

Начальник гарнизона и начальник охраны города психали на Урду и «убедившись, что манифестанты настроены воинственно, решили пропустить манифестацию, представители которой уверили, что никаких агрессивных действий они предпринимать не намерены¹».

Таким образом, план, только что принятый Совнаркомом, был нарушен.

Здесь мы считаем необходимым отметить, что подготовка к демонстрации всполошила весь старый город. Положительно во всех организациях старого города, во всех чайханах, на улицах вопрос о демонстрации обсуждался около двух недель. При этом нужно подчеркнуть, что в существовавших тогда профессиональных организациях старого города долгое время замечалось колебание,—итти или не итти на эту демонстрацию. В конце концов почти во всех профсоюзах было решено пойти на демонстрацию. Исключением в этом отношении оказался только союз строителей, который категорически решил, что ни один

¹ Интервью т. Стасикова.

Член союза не должен быть на демонстрации, так как эта демонстрация направлена против советской власти.

В 10 часов утра народные комиссары вместе с начальником гарнизона и начальником охраны города поехали в старый город. На месте митинга они были пропущены на почетные места, где уже стояла группа интеллигентов из русской части города. Между прочим, толпа при появлении народных комиссаров, приветствовала их криками «Ура».

Речи выступавших на митинге ораторов были совершенно спокойны, хотя со стороны русских раздавались провокационные возгласы и выкрики против народных комиссаров.

Получив известие, что по русской части города движется большая процессия казак-киргиз, комиссары покинули митинг и отправились в новый город.

Киргизы были встречены около Первущинского моста. Прибывших к ним на-встречу народных комиссаров они приветствовали криками «Ура». По всему было видно, что ничего против советской власти они не замышляют.

Опять таки во избежание кровопролития, не желая обострять отношений с мирной демонстрацией казак-киргиз, было решено не препятствовать их продвижению. Демонстрация киргиз двинулась в старый город по Воронцовской (ныне Сталина) улице, при чем урдинской военной заставе было отдано распоряжение пропустить киргиза в старый город.

Приблизительно в 2 часа дня около Белого Дома собралась толпа киргиз в 2—3 тысячи человек. Криками—«ура» киргизы вновь приветствовали народных комиссаров, которые ответили им на приветствие. Здесь группа членов СНК, приехав на автомобиле, приветствовала демонстрантов, а эс-эр Успенский объявил, что СНК постановил объявить Туркестан автономной республикой.

Настроение киргиз было совершенно мирное, хотя из толпы раздавался какой то одинокий провокационный выкрик. Характерно, что киргизы хотели было задержать и арестовать провокатора, но представители советской власти предложили оставить его в покое.

После этого киргизы совершенно спокойно двинулись дальше по русской части города. В полном порядке они подошли

к памятнику Кауфмана в сквере. За киргизами шла громадная толпа узбеков и русских.

Здесь необходимо заметить, что из старого города в новый пошли далеко не все, кто был на митинге. Как мы уже отмечали, на митинге вместе с торговцами, духовенством и интеллигенцией были и рабочие организации старого города, за исключением союза строителей. Но когда демонстрация, несмотря на объявленное заранее запрещение, направилась в новый город, рабочие организации не пошли вместе со всеми и в демонстрации, митинге, а также и во всех дальнейших событиях никакого участия не принимали.

Подойдя к памятнику, демонстранты хотели было разойтись по домам. Но тут на сцену выступили русские контр-революционные ораторы, которые в зажигательных речах стали призывать собравшихся к свержению советской власти и к освобождению из тюрьмы арестованных контр-революционеров.

Группа старых чиновников во главе с капитаном Фроловым и еще какими то двумя неизвестными полковниками в это время арестовала начальника охраны города Гудовича и, сопровождаемая частью демонстрантов, двинулась к тюрьме.

Когда эта контр-революционная толпа подошла к тюрьме, красногвардейцы, охранявшие ее, растерялись.

Вожаки контр-революции заставили Гудовича отдать приказание открыть ворота тюрьмы, куда толпа проникла и освободила арестованных—Доррера и других контр-революционеров.

Часть освобожденных была посажена в автомобиль начальника Гудовича. Толпа, сопровождавшая автомобиль двинулась по направлению Урды, то-есть в старый город,—остальная часть освобожденных из тюрьмы контр-революционеров замешалась в толпе или просто разбежалась по городу.

Начальник гарнизона, неуспевший выслать войска для защиты тюрьмы, двинул навстречу направлявшейся к Урде толпе отряд кушкинцев, прибывших в Ташкент еще в дни Октябрьской революции.

Один из солдат (по другой версии это был командир роты) ворвался в толпу, вскочил в автомобиль, в котором находился Доррер и другие контр-революционеры, наставил дуло револьвера на шоффера и приказал ему ехать к гауптвахте. Шоффер подчинился.

Тут же, из толпы в красногвардейцев было произведено несколько провокационных выстрелов.

На раздавшиеся провокационные выстрелы красногвардейцы ответили залпом, в результате которого был убит генерал Смирницкий, схавший верхом на лошади во главе толпы и пятнадцать человек из местного населения. С нашей стороны был убит один красногвардеец.

После первого же залпа толпа разбежалась, и в городе наступило полное спокойствие.

Над арестованными контр-революционерами, освобожденными толпой из тюрьмы и затем снова вместе с автомобилем отбитыми кушкинским отрядом, после того, как они были доставлены на гауллахту, красногвардейцы, возбужденные за день происходившими событиями, учинили самосуд и расстреляли их всех. В том числе погиб и один из виднейших организаторов контр-революции—Доррер.

Члены Исполнительного Комитета и Совнаркома принимали все меры к тому, чтобы успокоить красногвардейцев. Был даже отдан категорический приказ о недопущении самосуда, но остановить их не удалось.

Буржуазия и мешанская интеллигенция впоследствии всячески использовывала этот момент, чтобы очернить советскую власть.

Так прошла и закончилась демонстрация 13 декабря в Ташкенте. Тех целей, которые ставила перед собой кучка ташкентских контр-революционеров, в смысле контр-революционного переворота, она, конечно, не достигла, но она обошлась нам дорого, так как эта демонстрация надолго создала в Ташкенте тревожное настроение и отвлекла внимание центральных органов советской власти и Компартии в Туркестане от того, что происходило в Коканде.

Борьба с Кокандской автономией.

В период Октябрьской революции и в ближайшие после нее месяцы туркестанская партийная организация в национальном вопросе допустила ряд ошибок. Эти ошибки сказались и в процессе борьбы с Кокандской автономией и с другими контр-революционными выступлениями и на всем дальнейшем развитии революционной борьбы.

Мы проявили тогда недостаточную чуткость по отношению к многомиллионной массе коренного населения. Недооценили ее. Мы в то время были убеждены в том, что культурно-отсталое и недостаточно, политически зрелое коренное население страны не может принять активного участия в революции, и решили продолжать революцию без него.

В Ташкенте еще с лета 1917 года наряду с «Советом мусульманских депутатов» существовал «Совет мусульманских рабочих», который по своей классовой сущности напоминает «Совет трудящихся», рекомендуемый Коминтерном для стран Востока с недостаточно развитой индустриальной промышленностью. Это «Совет мусульманских рабочих депутатов» после Октябрьской революции, несмотря на имевшую недооценку его со стороны нашей ташкентской партийной организации, послужил почти единственной опорой советской власти в старом Ташкенте.

Нам нужно было использовать уже готовую, стихийно возникшую форму вовлечения трудящихся коренного населения страны в дело строительства советской власти и завершения Октябрьской революции. Мы этого не сделали, мы ничего не предприняли, чтобы в других городах выделить трудящиеся массы коренного населения из «Шура-и-исламия» в «Советы трудящихся мусульман».

На ряду с этим необходимо отметить еще одну ошибку. Заключалась она в чрезвычайно нерешительном наступлении на власть временного правительства. В то время, как в Ташкенте государственная власть фактически перешла в руки Советов несколько раньше даже, чем в Петрограде, в других городах Туркестана—Скобелеве, Асхабаде и т. д. переход власти к Советам произошел только в первых числах января 1918 года.

Отказавшись от привлечения к делу строительства советской власти пролетарские и полупролетарские слои коренного населения страны, наша туркестанская партийная организация не чувствовала под собою достаточно твердой почвы для того, чтобы вести решительное наступление на власть временного правительства во всем Туркестане и долгое время продолжала барахтаться в самом Ташкенте.

Между тем эта наша медлительность наступления на государственный аппарат временного правительства являлась весь-

ма благоприятным условием для контр-революции. Пользуясь нашей нерешительностью, она использовывала аппарат временного правительства для организации своих сил, для распространения всевозможных сплетен и слухов в местных официозных газетах, находившихся на содержании правительственного аппарата и потому слепо выполнявших его волю. Государственная машина в Фергане, возглавлявшаяся правым эс-эром Маевским, государственный аппарат Закаспийской области, возглавлявшийся Москаленко, газеты «Знамя Свободы» и «Асхабад» в период от октября по первые числа января—являлись организационным и идеологическим центром местной контр-революции, той реальной силой, которая подготовляла и потом поддерживала Кокандскую автономию.

Кокандская автономия уже была объявлена. Угроза серьезной контр-революции решительно нависла над Советским Туркестаном. Требовались решительные действия против быстро оформлявшейся контр-революции в Коканде. Но действовать решительно советская власть не могла уже не только в силу допущенной ошибки в национальном вопросе, но и в силу надвигавшейся другой контр-революционной грозы. Этой второй контр-революционной силой были казачьи полки, возвращавшиеся из Персии на соединение с атаманом Дутовым, поднявшим восстание в Оренбурге.

Вполне естественно, что немедленно наступать на Кокандскую автономию советская власть не могла. Нужно было сначала покончить с более организованным и прекрасно вооруженным противником в лице казаков. Обвинять следовательно, советскую власть в нерешительности борьбы с Кокандской автономией в этот период совершенно не приходится.

Но признавая правильной ту линию поведения, которой держалось советское правительство в период—декабрь—январь необходимо все же отметить, что мы в то время недооценивали Кокандскую автономию, как контр-революционную угрозу. Свидетельством этого может служить та оценка положения, которая была дана военным комиссаром Перфильевым после его поездки по некоторым областям тогда еще Туркестанского края.

Вот что сказал он о Кокандской автономии:

— «Что касается общего настроения мусульман, то можно отметить полное спокойствие и лояльность. Трудно-

вая часть идет вместе с русским пролетариатом и высказывается только за пролетарскую автономию.

В «Кокандской автономии», мусульмане меньше всего принимали участие; подавляющее большинство из них не имеет о ней ни малейшего представления.

Кокандскую автономию, как и манифестацию в Ташкенте 13 декабря выдумали русские чиновники и офицеры и вообще русские контр-революционеры, конечно, не без участия мулл и баев.

Под флагом этой «автономии» скрывается желание некоторых лиц—русских и туземцев стать у кормила власти, чтобы успешно и выгодно обделывать свои дела.

Туземцы уже раскусили эту «автономию» и начинают относиться к ней «должным образом».

Эта затея мусульманских и русских контр-революционеров, с таким шумом начатая, начинает умирать естественной смертью». (Курсив мой П. А.).

Ошибочность такого отношения к Кокандской автономии заключается прежде всего в том, что она представляет собою всего лишь только затею нескольких «отдельных лиц». Тов. Перфильев, выразивший, конечно, мнение Совнаркома, не хотел видеть в ней серьезного общественного движения, имевшего под собой солидную социально-экономическую почву.

Что Перфильев, давая такую оценку Кокандской автономии, выражал мнение Совнаркома, а не только свое личное, доказывают следующие строки т. Сазонова в его воспоминаниях «Кокандская автономия», помещенных в сборнике «Красная летопись Туркестана».

— «Во время съезда приезжают ко мне из Коканда 2 солдата с поручением от Бабушкина (председателя Кокандского Совета) получить от Ташкента помощь с оружием, ибо кокандское правительство уже наготове к выступлению. И если помощи таковой не будет, он, Бабушкин, выезжает в Ташкент. Пошел я к Тоболину, рассказал в чем дело. Вижу, Тоболин не придает серьезного значения. Пригласил тогда и приехавших солдат.

Тоболин тогда уже не ободрял нас, а вызвал коменданта крепости Якименко и договорился выдать нам 300 винтовок, пулеметы и прочее». (Куренив мой П. А.).

Доказывать ошибочность такой оценки Кокандской автономии руководителями советской власти в Туркестане не приходится, ибо она понятна без всяких пояснений.

Другая ошибка, которую допускал не только Перфильев, но и вместе с ним весь Совнарком, заключается в следующем: Перфильев говорит: «подавляющее большинство их (коренного населения—П. А.) не имеет о ней (о Кокандской автономии П. А.) ни малейшего представления и считает это явление положительным, думает, что это очень хорошо».

Полное отсутствие широкой агитационной работы характерно не только для Ферганы, Закаспия и т. д., но и для Ташкента. Достаточно указать, что в те дни, когда в Ташкенте сторонники Кокандской автономии вели активнейшую агитацию не только в старом Ташкенте, но и во всех окрестных кишлаках, призывая все население принять участие в подготовляемой ими демонстрации против советской власти в эти дни величайшего напряжения в Ташкенте решили ограничиться только тем, что выслали в старый город несколько товарищей для наблюдения, то-есть для наиболее пассивной роли, вместо того, чтобы бросить туда все свои наличные агитационные силы и постараться вскрыть перед ремесленниками старого города и дехканами окрестных городов всю контр-революционную сущность Кокандской автономии.

Бросив все свои наличные силы на Оренбургский фронт и против выступивших из Чернии казачьих полков и не чувствуя в себе достаточной силы для открытой борьбы с Кокандской автономией, Совнарком решил попытаться договориться с ее главарями мирным путем.

С этой целью, когда в первых числах января 1918 года правительство Кокандской автономии соввало знаменитый «съезд рабочих и дехканских депутатов», Совнарком послал в Коканд т. Полторацкого в надежде, что им будет нащупана почва для соглашения с лидерами буржуазии, возглавлявшими Кокандскую автономию.

Чем, как не попыткой соглашения, звучат следующие слова на резолюции Ферганского областного съезда Советов в первых числах января 1918 года:

— «Совместная работа с организующейся властью автономного Туркестана возможна лишь при условии внесения в конституцию автономии положений, ограждающих права демократии, при чем эти положения должны быть закреплены юридически созданием особых общероссийских органов, гарантирующих их неприкосновенность».

Это значит, что если главари Кокандской буржуазной автономии дадут нам некоторые гарантии в том, что они не пойдут очень далеко, то мы готовы признать их правительство и пойти с ними на соглашение.

И только тогда, когда на съезде рабочих и дехканских депутатов, созванном в Коканде главарями автономии, выяснилась полнейшая невозможность договориться с правительством Кокандской автономии, т. Полторацкий признал необходимым начать решительную борьбу и сделал весьма разумно, конфисковав наличные денежные средства и ценные документы, имевшиеся в кокандских банках, этим правительство Кокандской автономии было поставлено в тяжелые финансовые условия, благодаря которым был вызван министерский кризис.

Начало кокандских событий.

В первых числах февраля положение в Коканде уже было чрезвычайно тяжелое. Глухая борьба между Кокандским Советом и правительством Кокандской автономии изо дня в день нарастала, все более и более грозила превратиться в открытое столкновение.

Власть Кокандского совета совершенно не распространялась на старый город. Там безраздельно царил «правительство» автономии, но и в новом городе власть Кокандского Совета опиралась на сравнительно небольшую прослойку рабочих железнодорожников, хлопкоочистительных заводов и несколько городских предприятий. Вооруженной силы в распоряжении Кокандского совета было всего на-всего 16 человек солдат крепостной роты. Этим 16 человекам предстояло отразить первый, подготовлявшийся совершенно открыто удар автоном. правительства.

Кокандский Совет учитывал всю трудность своего положения. Тяжесть эта углублялась еще несколько не меньшей трудностью общего положения всего Туркестана. С 1 января 1918 года Туркестан был совершенно отрезан от России восставшим в Оренбурге атаманом Дутовым.

В Семипречье нарастала глухая борьба казачества и русского кулачества. Грозившая не сегодня так завтра вылиться в открытое восстание. В районе Асхабада—Самарканда происходили бои с казачьими полками, потребовавшими крайнего напряжения всех сил Туркестана. Ожидать поддержки из других городов Туркестана, в случае начала открытых столкновений с правительством Кокандской автономии, было почти совершенно невозможно.

В дополнение картины необходимо еще добавить, что в это время около Самарканда в лагерях находилось около 8.000 военно-пленных чехо-словаков, которых охраняло всего лишь 8 человек солдат. Так как никакая политическая работа среди них не велась, то Кокандский Совет не мог быть уверенным в том, что правительство Кокандской автономии не использует военно-пленных в интересах борьбы с советской властью. Единственное средство, которое могло бы быть в распоряжении Кокандского Совета—это, не надеясь на помощь со стороны, самим приступить к сколачиванию необходимых для отпора и для борьбы с правительством Кокандской автономии вооруженных сил. Но у Кокандского совета не было нужного для этого оружия. Имевшееся ранее в крепости оружие было передано автономистам городской думой еще до перехода власти в руки Советам. С большим трудом удалось набрать немного винтовок, чтобы увеличить гарнизон до 33 человек и вооружить некоторое количество рабочих.

Но этого было все же недостаточно. Тогда Кокандский Совет решил просить Ташкент, помочь людьми, а если это невозможно, то дать хотя бы некоторое количество оружия для вооружения кокандских рабочих.

Правительство Кокандской автономии великолепно знало о положении дел в Коканде. Учтя все эти обстоятельства, оно решило действовать. Но чтобы действовать наверняка, оно вошло в соглашение с комендантом крепости, бывшим офицером Зинченко, о сдаче крепости без боя. Обстановка весьма благоприят-

ствовала этому. Крепость в Коканде вследствие роспуска армии почти пустовала. В ней было поселено много лиц, ничего общего с армией и крепостью не имеющих, в крепость ходил всякий, кому угодно и когда угодно. Этим обстоятельством решил воспользоваться Зинченко.

В ночь с 11 на 12 января (под утро, в 3 часа), группа неизвестных лиц подошла к воротам крепости и постучалась с просьбой пропустить их к знакомым. Часовой, находившийся по ту сторону ворот, открыл дверь, не подозревая о возможности нападения. Часовой тут же был убит.

Крепость была бы взята самым незначительным отрядом противника, если бы солдаты были дисциплинированными бойцами, а не набранными на скорую руку любителями легкой наживы. Очевидно, часть из этого контр-революционного отряда даже не умела владеть оружием, так как один из солдат сделал нечаянный выстрел.

Разбуженные случайным выстрелом защитники крепости, быстро выскочили из казармы и открыли огонь по группе контр-революционеров, уже ворвавшихся в крепость. После некоторого сопротивления белогвардейцы, разочаровавшись в возможности взять крепость без сопротивления, решили отступить.

Крепость была очищена от противника. Ворота снова были закрыты. Из казармы был вытащен и установлен на крепостной стене пулемет. Не зная точно, куда отступил и где находится противник, защитники крепости открывают пулеметный огонь по старому городу.

В тот же день утром в крепости был задержан член правительства Кокандской автономии Шаги-Ахмедов. Оказалось, что во время нападения на крепость, он был в крепости у коменданта Зинченко.

Почти одновременно с этим белогвардейцы произвели нападение на квартиру председателя Кокандского Совета т. Бабушкина.

Квартира тов. Бабушкина охранялась одним красногвардейцем. Подкравшись к дому, белогвардейцы убили часового и стали ломать дверь в квартиру Бабушкина.

Бабушкин не растерялся. Ребенка своего он спрятал под кровать, жене дал револьвер, и так в течение 3 часов они вдвоем отстреливались от пытавшихся ворваться в квартиру белогвар-

дейцев. Бабушкины выдержали осаду. Белогвардейцы на рассвете должны были отступить.

После этого Бабушкин вместе с женой и ребенком вышли из квартиры, чтоб пробраться куда-нибудь к рабочим. В это время по улице в пролетке проезжал Потеляхов с доверенным одной хлопковой фирмы—Смирновым. Бабушкин наставил на него револьвер, высадил их из пролетки, а сам сел и уехал на станцию к железно-дорожным рабочим.

Одновременно с наступлением на крепость и нападением на квартиру Бабушкина белогвардейцы ворвались на телефонную станцию и приказали выключить новый город. Перепуганные телефонистки вынуждены были подчиниться приказу. Новый город оказался разъединенным и защитники советской власти лишены возможности связаться между собой. В ту ночь белогвардейцы перерезали телеграфные провода, соединявшие Коканд с другими городами и разобрали железно-дорожный путь, как в сторону Ташкента, так и в сторону Андижана. Наманганская ветка также была разрушена на несколько верст. Железно-дорожные мосты были сожжены и разрушены.

Этим белогвардейцы хотели отрезать Коканд от других городов, прервать связь и лишить возможности получать от них помощь.

Таким образом, план правительства Кокандской автономии сводился к следующему: оно рассчитывало одновременно захватить в свои руки крепость, телефонную станцию, арестовать председателя Кокандского Совета Бабушкина и этим самым обезглавить Совет, разрушить железно-дорожные пути, чтобы отрезать Коканд от других городов.

Совокупность этих мер составляла первый ход правительства Кокандской автономии. Нужно думать, что в дальнейшем они рассчитывали, опираясь на сочувствовавшие им группы буржуазии, бывших чиновников и интеллигенции, захватить в свои руки Скобелев и Андижан, а потом уже держа в своих руках всю Фергану, вести наступление на Ташкент и идти на соединение с Дутовым.

Но план этот сразу же не удался. Хотя белогвардейцы и перерезали провода, но несколько поздно. Как только в городе началась ружейная стрельба, все поняли, что это контррево-

люционное выступление и об этом было немедленно телеграфировано в Ташкент, Скобелев и Андижан.

Утром на станции собрались наиболее активные сторонники советской власти, наспех обсудив положение, решили организовать Ревком и вручить ему всю полноту власти. В состав Ревкома были избраны: Бабушкин, Месха, Коновалов, Рылов, Николаенко и Сазонов.

Чтобы узнать в каком положении находится город, было решено послать туда Николаенко и Сазонова. Прежде всего они поехали на телефонную станцию, где потребовали вновь включить новый город, а старый—выключить. Телефонистки несколько помялись, но приказание исполнили. Для того, чтобы белогвардейцы вновь не захватили телефонную станцию, был поставлен караул в 12 человек.

В то время, когда железнодорожники собирались на станции, городские рабочие были созваны к крепости колокольным звоном и несколькими холостыми выстрелами. Здесь им было роздано оружие, за день до этого привезенное из Ташкента. Таким образом, количество защитников советской власти, прилично вооруженных, уже доходило до 400 человек.

В 4 часа дня т. т. Сазонов и Николаенко поехали в старый город для переговоров с правительством Кокандской автономии по поводу ночного выступления. Эти переговоры интересны в том отношении, что они до некоторой степени проливают свет на политическую программу этого правительства. В основном программа правительства Кокандской автономии сводилась к следующему:

Туркестан должен быть автономным;

Власть в Туркестане должна быть передана в руки временного правительства, то-есть правительства Кокандской автономии, созданного буржуазией;

Частная собственность на землю, орудия и средства производства остается неприкосновенной;

Судопроизводство должно вестись по шариату и, наконец, Женщины должны оставаться закрытыми.

Вот главные пункты программы правительства Кокандской автономии.

Интересы каких классов эти требования отражали?

По существу, эти лозунги необходимо подразделить на две группы.

Первые три лозунга являются программными лозунгами буржуазии. По ним мы можем судить, что правительство Кокандской автономии времен Танышева и Чокаева стремилось установить типичную буржуазно-демократическую республику. Совершенно иное значение имели два последних лозунга. Буржуазии нужно было чем-то заинтересовать духовенство в начатой контр-революции, ей нужно было использовать влияние духовенства на дехканство и ремесленников. С этой целью и были выдвинуты эти два последние лозунга.

В каком именно виде выявилась политическая физиономия Кокандской автономии в тех переговорах, которые велись 12 февраля тов. Сазоновым и Николаенко с Мустафой Чокаевым.

Хотя с утра 12 февраля общими усилиями защитников советской власти удалось проделать громадную организационную работу по защите города, в воздухе все же чувствовалась тяжелая атмосфера. Сторонники Кокандской автономии распространяли всевозможные слухи, говорили, что десятки тысяч коренного населения окружили новый город и ведут наступление на крепость, утверждали, что советская власть, почти совершенно не имеющая вооруженной силы, не сможет устоять против такой массы. Тем, которые хотели защищать советскую власть, они предсказывали жестокую расправу и т.д. Цель всех этих слухов заключалась в том, чтобы запугать население города и склонить рабочих к прекращению борьбы.

Улемистский переворот.

Утром 13 февраля в Коканд прибыла поддержка из Скобелова и Анджана численностью в 120 человек, а еще несколько позже из Перовска прибыло 80 человек. Таким образом, численность Кокандского гарнизона, по сравнению с тем, что было всего лишь несколько дней тому назад, возросла довольно значительно. Прибывший в это время в Коканд из Скобелева Дориомедов, при всей его ненависти к большевикам, пишет о защитниках советской власти следующее:

«В этот момент защитники крепости были действительно героями. Небольшая горсточка людей, отрезанная от всякой помощи со стороны, благодаря порче железнодорожных

путь, телефонов и телеграфа, не спавшая уже несколько суток, постоянно получающая все более тревожные известия о своей полной отрезанности, о восстании всего населения, в ответ на все предъявленные ультиматумы о сдаче отвечает сама ультиматумами, требующими капитуляции противников».

Хотя Кокандская крепость в современном смысле не имела никакого значения так как располагала незначительным количеством артиллерии, но для правительства Кокандской автономии, в распоряжении которого не было артиллерии, эта крепость приобретала громадное значение, так как население привыкло считать хозяином положения того, в чьих руках находилась крепость. Поэтому Чанышев напрягал все силы на то, чтобы овладеть крепостью. После ряда неудачных попыток захватить крепость силой, он пытался подкупить солдат гарнизона крепости, обещая свободный проезд на родину и даже денег на дорогу, но никто из бойцов на это не пошел.

Случайного характера переговоры между представителями советской власти и представителями Кокандской автономии велись с самого начала кокандских событий. Но уже с 17 февраля начались официальные переговоры. По предложению Ревкома, стремившегося по возможности оттянуть момент решительной схватки, до получения подкрепления из Ташкента и Самарканда, на которые Ревком изо дня в день рассчитывал, правительство Кокандской автономии и поддерживавшие его организации прислали своих представителей и, таким образом, открылась мирная конференция, на которой присутствовало с нашей стороны 27 человек и со стороны правительства Кокандской автономии 24 человека.

Не успела конференция приступить к деловой работе, как от Чанышева поступил ультиматум следующего содержания:

—«В Военно-Революционный Комитет. Не имея возможности сдержать массу, сильно возбужденную, если до четырех часов не будет объявлено о сдаче крепости или о иных мирных условиях, народ прорвет плотину дисциплины. Я не отвечаю за мирное еврейское и армянское население».

2 часа дня 1918 года г. Коканд.

Командующий мусульманскими войсками Чанышев».

Этот ультиматум требует некоторого пояснения. Дело в том, что правительство Кокандской автономии, и в том числе Мустафа Чокаев и Чанышев, создав краевой Совет рабочих и дехканских депутатов, чтобы при помощи его иметь связь с широкими массами трудящихся, должны были считаться с его мнением. А Совет этот если не совсем, то по крайней мере в этом отношении, выражая действительное мнение народа, старался избежать бойни и разрешить вопрос мирным путем. Именно этим объясняется до некоторой степени нерешительная осада крепости и города. Под давлением того же Совета Чанышев и Чокаев согласились на посылку делегатов на мирную конференцию.

Но кроме этого давления слова, на «правительство», было еще другое давление—справа, со стороны улемистской группировки.

Эта группировка не хотела никакого примирения. Она требовала решительных действий, общего наступления на крепость и новый город.

Когда Чанышев послал представителей на мирную конференцию, Иргаш, окруженный улемой, подзадориваемый ею и рассчитывающий на свою, хотя и плохо вооруженную, но многочисленную банду, потребовал от Чанышева прекращения переговоров и решительного наступления. Прижатый к стене улемой и начальником милиции из бывших бандитов, Чанышев вынужден был согласиться. Так родился этот ультиматум.

Ультиматум был полной неожиданностью не только для представителей советской власти, но и для большинства представителей Кокандской автономии.

Многие представители Кокандской автономии заявили, что несмотря на этот ультиматум, переговоры вести нужно, и что они искренно хотят мира.

Хайтальшский тогда произносит горячую речь, призывая пролетариат как русский, так и национальный немедленно принять меры к прекращению кровопролития, от которого страдают исключительно пролетарии и бедные крестьяне. Он находит, что Чанышев превысил свои полномочия, предъявив свой ультиматум от имени Совета рабочих и дехканских депутатов.

Решено было послать к Чанышеву делегацию, но не от имени мирной конференции и не от имени советской власти, а от имени

Краевого Совета рабочих и дехканских депутатов, большинство членов которого было в это время на конференции. Кроме того, Чанышеву был написан тоже своего рода ультиматум от имени того же Краевого Совета следующего содержания:

«Краевой Совет рабочих и дехканских депутатов и воинов мусульман Туркестанского края требует от командующего мусульманскими войсками Чанышева немедленного взятия предъявленного Военно-Революционному Комитету ультиматума обратно и установить нейтральную зону следующую, начиная с угла Базарной и Комитетской улиц, около номеров «Россия» вдоль Сая до помещения фирмы «Треугольник» по правому берегу Сая, или же вообще немедленно отодвинуть войска назад. В противном случае переговоры вести невозможно.

Подлинное подписал:

Федоров и Хайталышский».

В 10 час. 30 м. 17 февраля заседание мирной конференции было прервано до получения ответа от Чанышева. Утром 18 февраля ответ был получен. Чанышев давал согласие на ведение переговоров.

Иргаш, под влиянием улема, решил теперь действовать самостоятельно.

Улема принимала все меры к тому, чтобы накалить атмосферу, чтобы до возможных пределов обострить развернувшуюся борьбу. В мечетях все время происходили моления и читались проповеди, в которых правоверные призывались к началу священной войны (газават). В тоже время улема внимательно следила за всеми действиями буржуазного правительства Кокандской автономии. Недовольная перешительностью «правительства» и постоянными колебаниями полковника Чанышева, улема решила использовать момент для того, чтобы захватить в свои руки руководство движением.

Переворот произошел весьма быстро и легко. Иргаш, располагавший несколькими тысячами головорезов, хотя и очень слабо вооруженных, но слепо ему подчинявшихся, арестовал военного министра Чанышева и некоторых других министров. Затем были арестованы русские офицеры, находившиеся в отряде полковника Чанышева, Самому Мустафе Чокаеву и некото-

рым другим членам его правительства удалось бежать. Уже за городом, в одном из кишлаков, Чокаев был задержан дехканами и едва не был отправлен в Коканд, но случайно встретивший его знакомый помог ему бежать.

С момента падения прежнего буржуазного правительства Кокандской автономии Мустафы Чокаева, вся полнота политической власти внешне перешла к Иргашу; а фактически—к союзу «Улема», руководители которого все время стояли за спиной Иргаша и действовали им, как марионеткой.

Политическая программа правительства Иргаша после улемистского переворота за такой короткий срок еще не успела выявиться с достаточной полнотой. Но уже то обстоятельство, что улема пыталась объявить Иргаша Кокандским ханом, указывает на то, что после улемистского переворота Кокандская автономия скатилась до самой крайней реакции. Дальше идти уже было некуда.

Улемистский переворот внутри Кокандской автономии имел громадное значение в смысле влияния его на ход развертывания дальнейших событий.

Туркестанская национальная буржуазия была весьма молода и слаба. Нити ее экономического влияния еще недостаточно опутали широкие массы дехканства. У нее было достаточно смелости, чтобы начать контр-революцию, но нехватило силы довести ее до конца.

Что же нового внес улемистский переворот в соотношения классовых сил?

Буржуазное правительство Мустафы Чокаева отражало собой интересы промышленной буржуазии. После улемистского переворота лидеры промышленной буржуазии частью были арестованы, а частью вынуждены были бежать.

Весь же слой промышленной буржуазии и та часть торговой буржуазии, которая обслуживала туркестанскую промышленность и, следовательно, бывшие под идеологическим влиянием этой промышленной буржуазии отошли от движения и заняли позицию нейтралитета.

Другая же часть торговой буржуазии, находившаяся под идеологическим влиянием улемы, перешла на ее сторону и стала поддерживать Иргаша.

Значительно труднее охарактеризовать позицию дехканства. Выше мы уже говорили, что дехканство было недовольно временным правительством Керенского, но после Октябрьской Революции оно в массе своей активно не выступило на сторону советской власти. В этот период происходило своего рода «самоопределение» дехканства. Часть его становилась на сторону советской власти, часть же все еще оставалась на положении «свидетеля» происходившей вокруг борьбы, но во всяком случае активным сторонником Кокандской автономии при правительствах Танышбаева и Мустафы Чожаева оно не было.

Для характеристики отношения дехканства к Кокандской автономии приведем показания участника этой автономии — Махдия Чанышева:

—«Здесь необходимо сказать о том, что временное правительство Туркестанской автономии перед народом не пользуется никаким авторитетом и не имеет никакого влияния. Поэтому и в случае передачи ему вооруженных сил, оно не сможет водворить порядок. Против русских у мусульман враждебности нет¹⁾».

Улемистский переворот должен был ускорить процесс классового самосознания дехканства. Часть дехканства, наиболее эксплуатировавшаяся и хлопковыми предпринимателями и ростовщическим капиталом еще более ясно сознала свое положение и свои интересы. Другая же часть — кулацкая, наиболее близкая к духовенству и вообще старым феодальным слоям, стала на сторону нового улемистского правительства Иргаша.

Некий Шарипов, который был во время переворота в Коканде говорит:

—«Стремление Иргаша создать национальную вражду оказалось безрезультатным. Мусульмане остались в дружеских отношениях к русским».

Эти слова Шарипова свидетельствуют о двух моментах: во-первых, о том, что основная масса населения, то-есть, дехканство, не пошла за Иргашем и, во-вторых, о том, что Иргаш пытался использовать в своих интересах национальный антагонизм.

¹⁾ Газета „Улуг Туркестан“ № 68 от 3 марта 1918 года.

Несравненно более определена и ясна роль городских ремесленников. Весьма показательно в этом отношении выступление представителей старого города в Ташкентском Совдепе 22 декабря.

В отчете об этом заседании, напечатанном в «Нашей газете», говорится о том, что с агитацией за автономию выступал некто Ормелли, только что приехавший с кавказского фронта. И далее мы там читаем следующее:

— «Выступившие затем мусульмане Ариф-Джан и Мулла-Бахрам заявили, что движение к автономии—чисто буржуазное, ибо во главе его стоят баи и муллы, преследующие лишь свои интересы. Трудящемуся же народу нужна не автономия, а хлеб, мануфактура и вообще улучшение материального положения.

Протестуя против этого движения, они всецело на стороне Совета и готовы поддержать его всегда».

На том же заседании Черневский¹ говорит следующее:

«Что трудовой мусульманский народ далеко не претвещает автономии, доказывается хотя бы тем, что мусульмане, входящие в состав Совета рабочих депутатов, просят помочь в их борьбе со своей буржуазией, ставшей во главе движения».

Вообще трудовой мусульманский элемент не участвует в движении, и один из представителей этого движения даже арестован буржуазией».

Этот последний факт весьма интересен. Он с достаточной убедительностью говорит о том, что еще во время правительства Танышбаева и Чанышева городские трудовые слои коренного населения были настолько серьезно настроены против буржуазной контр-революции, что помимо всевозможных агитационных приемов буржуазии приходилось прибегать к помощи террора.

Еще более решительно стали городские трудовые слои коренного населения на сторону советской власти после улемистского переворота. В Фергане даже правое крыло «Союза трудящихся мусульман» снова перешло на сторону советской власти. Точно также и в Самарканде.

¹ Черневский—эс-эр, б/чиновник, играл весьма подозрительную роль в январских событиях в 1919 году.

В начале Кокандской автономии союз «Иттифак», вообще державшийся более правой ориентации, чем «Союз трудящихся мусульман», почти целиком стал на сторону Кокандской автономии. На одном из собраний союза «Иттифак» была принята резолюция, в которой он решительно выступает против советской власти. Но улемистский переворот резко изменил позицию союза «Иттифак», несмотря на все свои соглашательские тенденции, он не мог и не стал поддерживать самую крайнюю реакцию, возглавлявшейся улемой и осуществлявшейся Иргашем.

Так, т. Бидик в своих воспоминаниях «Октябрь в Самарканде», напечатанных в шестой книге «Коммунистической мысли» пишет следующее:

—«Несмотря на контр-революционное выступление Кокандской автономии, несмотря на провокацию и угрозы со стороны Бухары ... деятельность «Иттифак», как массовой организации в совете сначала в городском, а затем в областном, роль, которую играл «Иттифак» в организации Советов в старом городе Самарканде, роль его членов в обложении местной буржуазии контрибуцией, ясно доказывает, что «Иттифак» явился силой, значение которой никак нельзя приуменьшить, а тем более игнорировать».

Таким образом, мы видим, что улемистский переворот произвел решительную передвижку общественных сил: промышленная буржуазия как реальная сила временно отошла в сторону, ремесленники, объединявшиеся «Союзом трудящихся мусульман» и союзом «Иттифак» более решительно стали поддерживать советскую власть, и лишь часть торговой буржуазии перешла на сторону улемы. Все это вместе взятое было ни чем иным, как началом разложения контр-революционного движения изнутри.

Разгром Кокандской автономии.

К этому времени были развязаны руки советского командования в Туркестане ликвидацией казачьей авантюры в Самарканде. Хотя это обстоятельство и не освободило особенно много воинских сил, но оно позволило произвести мобилизацию рабочих в Ташкенте без особого риска для последнего получить удар с тыла.

В ночь с 18 на 19 февраля из Ташкента стали прибывать эшелоны с воинскими частями и наспех вооруженными таджикскими рабочими во главе с военным комиссаром Перфильевым.

Переговоры в это время все еще продолжались, но с каждым часом затягивались все более и более. Улемистский переворот внутри Кокандской автономии привел к тому, что сама делегация противника не могла договориться об условиях мира.

Перфильев, принявший на себя командование всеми сосредоточенными в Коканде советскими войсками и вооруженными рабочими отрядами пришел к выводу, что ожидать конца мирных переговоров не приходится, что нужно силой оружия ликвидировать банды Иргаша.

В 10 ч. 15 минут 19 февраля советское командование предъявило Иргашу ультиматум, в котором предлагало сложить оружие к известному сроку. Мирная конференция прекратила свои заседания. Все с напряжением ждали ответа Иргаша.

Срок ультиматума истек в 1 час дня. В 12 часов 45 мин. был получен ответ Иргаша—он отказался выполнить предъявленные советским командованием требования.

В 1 час дня начался артиллерийский обстрел старого города, который с перерывами продолжался до темноты.

Утром 20 февраля началось наступление пехоты на старый город, при чем советские войска почти не встретили никакого сопротивления. Банды Иргаша при первом же появлении наших войск, немедленно отступили. Большая часть иргашевской шайки, припрятав у знакомых оружие, просто скрывалась кто куда мог. Сам Иргаш, с началом наступления нашей пехоты, видя свое бессилие отразить наступление, бежал из города с небольшим отрядом. Все старания наших частей разыскать его не дали никаких результатов.

Несколько слов о моментах, на которых впоследствии сильно играла контр-революция. В наступлении на старый город принимала участие боевая дружина армянской националистической партии дашнак-цутюнов, которая в то время внешне признавала советскую власть, и которую мы тогда считали своим союзником.

Войдя в старый город, дашнаки, вместо того, чтобы вылавливать вооруженных джигитов Иргаша, занялись поголовным грабежом мирного населения. Зараженные провокаторским

примером дашнаков, грабежом занялись даже некоторые красногвардейцы и рабочие. Наша ошибка заключается в том, что мы допустили союз с дашнаками, — буржуазно-националистической организацией. Второе — мы не смогли своевременно принять нужных мер против начавшихся грабежей в старом городе.

После бегства Иргаша из Коканда, к советскому командованию явилась делегация из старого города с предложением возобновить мирные переговоры. 21 февраля снова началось заседание мирной конференции, которая очень скоро пришла к соглашению. Вот текст этого соглашения:

«В виду того, что после вооруженного столкновения вооруженные силы, так называемого временного правительства автономного Туркестана были разбиты и рассеяны революционными войсками, мирное население изъявило полную покорность и желание подчиниться власти Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Мирная конференция, заседавшая в г. Коканде, по Розенбаховской улице, в здании Русско-Азиатского банка в заседании своем 22 (9) февраля 1918 года в составе... (далее идет перечень участников конференции, который мы для краткости опускаем — П. А.) пришла к следующему соглашению:

1. Население, как мусульманское, так и русское, не имеющее письменного разрешения Советской власти, обезоруживается. Отобранное оружие сдается в места и сроки, указанные командующим войсками Ферганской области.

2. Население признает власть Краевого Совета Народных Комиссаров и все местные советские учреждения.

3. Население обязуется выдать властям всех известных ему организаторов происшедших кровавых событий, а также главарей и участников вооруженных шайк.

4. Тайный ввоз оружия в край и его распространение среди населения признается актом подготовки к вооруженному восстанию и будет караться по всей строгости революционных законов.

5. Население по требованию военной и советской власти всеми силами способствует восстановлению железных дорог, телеграфов и их охране и вообще восстановлению нормальной жизни.

6. Краевой Совет Народных Комиссаров оказывает помощь беднейшему населению, пострадавшему во время гражданской войны.

7. Действие сего соглашения распространяется на весь Туркестанский край,

Так кончилась, начатая объединенной буржуазией, Кокандская автономия. Затея эта лопнула, как мыльный пузырь. Но прежде чем умереть, Кокандская автономия успела вызвать к жизни новую силу—басмаческие шайки Иргаша. Это новое контр-революционное движение в значительной мере превосходило по своему размаху Кокандскую автономию.

Перечень литературных источников, использованных автором.

- 1) Красная летопись Туркестана № 1—2. Издание Туркгосиздата 1923 г.
2. Газета «Знамя Свободы» за 1917 и 1918 годы.
- 3, «Наша Газета» за те же годы.
4. Газета «Туркестанский Курьер» за те же годы.
5. Газета «Улуг Туркестан» за те же годы.
6. Газета «Вакт» за 1917 год.

ХРОНОЛОГИЯ

Кокандской автономии.

- 6—7 декабря—Ферганский областной съезд Советов.
9—11 » —IV Чрезвычайный краевой мусульманский съезд.
11 » —Объявление Кокандской автономии.
21—24 » Всетуркестанский съезд социалистов революционеров
в Коканде.
27 » —Демонстрация в Ташкенте.
12 февраля—Нападение на кокандскую крепость.
12 » —Организация Военно-революционного Комитета
в Коканде.
13 » —Прибытие в Коканд подкрепления из Скобелева
и Анджиана.
13 » —Первые переговоры с правительством коканд-
ской автономии.
14 » —Вторые переговоры с правительством коканд-
ской автономии.
14—16 » —Попытки Иргаша атаковать крепость.
15 » —Решение Скобелевского Совета Городской Думы
выслать в Коканд мирную делегацию.
17 » —Прибытие мирной скобелевской делегации в
Коканд
17 » —Открытие мирной конференции.
17 » —Предъявление Чанышевым ультиматума.
18 » —Улемистский переворот.
19 » —Прибытие ташкентского отряда в Коканд.
19 » —Предъявление ультиматума штабом советских
войск.
19 » —Начало бомбандировки старого города.
20 » —Бегство Иргаша из старого города.
22 » —Подписание мирного договора.
-

Цена 50 коп.

5

